

Федеральное агентство по образованию

Волгоградский государственный
архитектурно-строительный
университет

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

2009 № 2

Научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Основан в 2007 г.

г. Волгоград

Учредитель:
государственное образовательное
учреждение высшего
профессионального образования
«Волгоградский государственный
архитектурно-строительный
университет»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-27329 от 28 февраля 2007 г.
выдано Федеральной службой
по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых
коммуникаций и охране
культурного наследия

Журнал включен в базу данных
Российского индекса
научного цитирования (РИНЦ)
на сайте Научной электронной
библиотеки
www.elibrary.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ

Седова Н.Н., Эртель Л.А. Отношение городских жителей к медицинским услугам ... **3**

Ма Яньли, Слышкин Г.Г. Застольный ритуал в современной китайской и русской городской культуре ... **10**

ГОРОД КАК ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Буров А.Н. Модернизация образования как фактор эффективного развития ... **21**

АРХИТЕКТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ИНДУСТРИАЛЬНОГО ГОРОДА

Игнатов Г.Е. Социальная утопия как модель проектного сознания (в контексте истории архитектурной, философской и образовательной парадигмы) ... **28**

Молчанов В.М. Социально-функциональное моделирование городского жилища для юга России ... **35**

Назарова М.П. Информационный потенциал памятников городской архитектуры ... **41**

ГОРОД И ВЛАСТЬ

Буров А.Н., Корняков А.Б. Социальный фон оценки эффективности деятельности органов власти в условиях экономического кризиса (по результатам социологических исследований) ... **46**

АВТОРАМ

Условия приема статей в редакцию и требования к авторским оригиналам ... 53

Редакционный совет:

председатель — д-р техн. наук, проф.
С.Ю. Калашников,
зам. председателя —
д-р экон. наук, проф. **М.К. Беляев**,
д-р экон. наук, проф. **С.Н. Соколов**,
председатель комитета
по бюджету, налогам и сборам
Волгоградской городской думы
проф. **М.М. Девятков**,
д-р техн. наук, проф. **В.М. Шумячер**,
д-р техн. наук, проф. **В.Г. Диденко**,
нач. РИО ВолгГАСУ **О.Е. Горячева**,
канд. архит., проф. **А.В. Антюфеев**

**Главный редактор
журнала:**

д-р филос. наук, проф.
Б.А. Навроцкий

**Редакционная
коллегия:**

д-р соц. наук, проф. **В.В. Деларю**,
д-р соц. наук **Г.Н. Ильина**,
д-р экон. наук, проф.
О.В. Максимчук,
д-р ист. наук, проф. **А.Н. Буров**,
д-р архит., проф. **Г.А. Птичникова**,
д-р пед. наук, проф. **В.В. Сериков**,
д-р филос. наук, д-р юрид. наук,
проф. **Н.Н. Седова**,
д-р филол. наук, проф.
Г.Г. Слышкин

Адрес редакции:

400074, Волгоград,
ул. Академическая, 1
Тел. (8-442)96-99-25,
(8-442)96-98-28

© Государственное образовательное
учреждение высшего профессионального
образования «Волгоградский
государственный архитектурно-строительный
университет», 2009

© Потоккина-Курилкина Т.М.,
дизайн обложки, 2008

Ссылка на журнал при цитировании
опубликованных в нем материалов
обязательна

Вниманию авторов и читателей!

Подписку на журнал

«СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА»

на первое полугодие 2010 г.

можно оформить

по каталогу «Пресса России»
(в почтовых отделениях),
подписной индекс 29507,

и электронному каталогу агентства «Книга-Сервис»
(на Интернет-сайте агентства www.aks.ru),
подписной индекс E 29507.

По вопросам приобретения
выпусков журнала 2008–2009 гг.
обращаться в редакцию по тел. (8442) 96-99-25

УДК 614.253:61:378 (270)

Н.Н. Седова, Л.А. Эртель

ОТНОШЕНИЕ ГОРОДСКИХ ЖИТЕЛЕЙ К МЕДИЦИНСКИМ УСЛУГАМ

Приведен анализ системы рисков, связанной с культурой потребителя медицинской помощи. Выделены как наиболее значимые риски избыточного и недостаточного потребления медицинских услуг, показана их роль в оптимизации практики здравоохранения.

Ключевые слова:
население, медицинские услуги, комплаентность и некомплаентность.

N.N. Sedova, L.A. Ertel

THE RELATION OF THE POPULATION TO MEDICAL SERVICES

There are risks which directly influence culture of their consumption and risks which are caused by low level of this culture in the medical care. The risk of superfluous consumption is shown in the form of dependence concerning the healthy person from presence at his life of the medical control, and also at the overexpenditure of means for medical services. The risk of under consumption of medical services is shown in the form of not finished the cure illness, noncompliance patients or a premature exit from therapeutic process, replacement of firm preparations with inefficient cheap analogues.

Key words:
the population, the medical services, compliance & noncompliance

Об авторах:

Седова Наталья Николаевна — заслуженный деятель науки РФ, д-р филос. наук, д-р юрид. наук, проф., зав. отделом этической и правовой экспертизы Волгоградского научного центра РАМН

Эртель Людмила Александровна — д-р мед. наук, проф. Кубанской государственной медицинской академии, г. Краснодар 8(8442)385325, факс 8(8442)408126, nns@volgograd.ru

Для большинства пациентов городских учреждений здравоохранения и медицинских работников качество медицинской помощи и качество медицинской услуги эмоционально одинаково окрашены и потому зачастую отождествляются. В реальной действительности они существуют в разных измерениях и с различных сторон характеризуют такую сферу человеческой деятельности, как поддержание и восстановление здоровья населения. Таким образом, качество медицинской помощи и качество медицинских услуг — это равноценно значимые, но не взаимозаменяемые понятия. Медицинская помощь — это комплекс мероприятий, направленных на поддержание и восстановление здоровья населения, в котором принимает участие медицинский персонал. Пациент пассивен в этом процессе (если исключить его внутреннее стремление быть здоровым). Качество медицинской помощи оценивают по таким критериям, как летальность в больничных учреждениях; уровень расхождения диагнозов клинических и патологоанатомических, установленных в поликлинике, «скорой помощи» и стационаре; запущенность патологии по вине медицинских работников; количество удовлетворенных судебных исков на некачественную медицинскую помощь; средняя продолжительность предстоящей жизни; уровень естественного прироста населения. Все эти критерии практически не поддаются (в прямом виде) стоимостной оценке. А вот механизм, определяющий качество медицинской услуги, управляется с помощью движения финансовых потоков, формирующих факторы производства (затраты на необходимые материальные ресурсы + затраты необходимого труда), и распределения вновь созданной стоимости (финансовые результаты). Качество (эффективность) медицинской услуги определяется соотношением результата и затрат. Для пациента это определенное снижение рисков потери здоровья, соотнесенное с затратами на его восстановление. Так он формирует собственное представление о цене медицинской услуги. Качество помощи и качество услуги можно трактовать как синонимы, но реально это разные вещи.

Чтобы показать, как представления об этих реалиях оказания медицинской помощи распространены среди пациентов, мы провели социоло-

гическое исследование на пациентах волгоградских поликлиник и стационаров. Было опрошено 1500 респондентов, распределение по полу и возрасту в выборке соответствовало распределению в генеральной совокупности. Опрос проводился в апреле — мае 2009 г. Его результаты сравнивались с аналогичными опросами, проведенными другими авторами [1—3]. В части опросов более 90 % пациентов согласны на оплату медицинских услуг, но такие высокие показатели характерны для опросов, проведенных в коммерческих медицинских учреждениях. При этом пациенты получающие медицинскую помощь по программе ОМС не готовы к большим материальным затратам на лечение.

В то же время, в оказании медицинской помощи существуют риски, которые непосредственно влияют на культуру их потребления и риски, которые вызваны низким уровнем этой культуры. Оба этих фактора могут привести как к избыточному потреблению медицинских услуг, так и к их недопотреблению. Риск избыточного потребления проявляется в виде зависимости относительно здорового человека от присутствия в его жизни медицинского контроля, а также в перерасходе средств на медицинские услуги. Характерный пример — услуги эстетической медицины, которые развиты как раз в городах.

Риск недопотребления медицинских услуг проявляется в виде недолеченной болезни, некомплаентности пациентов или преждевременного выхода из терапевтического процесса, замене фирменных препаратов дешевыми неэффективными аналогами. И то и другое характеризует культуру потребления медицинских услуг как неразвитую. Мы типологизировали факторы риска как объективные и субъективные, исследовав в основном недопотребление медицинских услуг, поскольку именно оно приводит к наиболее тяжким последствиям.

Основным объективным фактором является, безусловно, бедность. По данным ИСЭПН РАН [4—7] на сегодняшний день практически для всех видов патологии разработаны средства медикаментозного лечения, корригирующие операции, позволяющие спасти или продлить жизнь пациента, улучшить ее качество. Однако такие виды лечения требуют больших материальных затрат, которые не способна взять на себя современная система здравоохранения, и врачам (54...57 %) вынуждены предлагать населению самим оплачивать медицинские услуги. Около 30 % городского населения соглашались на это, но тогда им придется во многом ограничить себя и свою семью, из этой категории только у 10 % лиц материальные возможности позволяют, не ущемляя себя и других, оплатить любую медицинскую услугу. В наиболее неблагоприятном положении в отношении оплаты медицинских услуг находятся пожилые лица, а также те, кто больше всего нуждается в медицинском наблюдении и лечении, — лица с плохим уровнем здоровья (среди лиц с низким уровнем здоровья на платные услуги не могут согласиться 76 %, с высоким уровнем здоровья — 53 %).

Результаты ретроспективного исследования и проведенного нами опроса выявили, что объективными факторами риска недопотребления медицинских услуг являются:

инвалидность или тяжелое заболевание одного из членов семьи, особенно мужчины трудоспособного возраста;

миграция, связанная с дефицитом социальных гарантий (несмотря на различия в материальном положении);

большое количество иждивенцев (например, многодетность, развод, смерть кормильца, рождение детей вне брака и т.д.).

К субъективным факторам риска недопотребления медицинских услуг относится, в первую очередь отношение человека к болезни. Субъективное отношение к болезни также формируется у пациента с учетом его социальных (пола, возраста и профессии) и индивидуальных характеристик (темперамента, особенностей характера и качеств личности). Выбор того или иного типа реагирования на болезни определяют особенности характера человека с учетом влияния агентов социализации.

Болезнь меняет установки и цели пациента с социальных на физические (телесные). В процессе болезни доминируют потребности в самосохранении и безопасности, сужаются социальные потребности, возникает противоречие между потребностями. На основе классификации типов переживаний болезни [8, 9], мы разработали типологию субъективных факторов риска в потреблении медицинских услуг (табл. 1).

Таблица 1. Субъективные факторы риска в потреблении медицинских услуг (отношение к болезни)

Адекватное потребление медицинских услуг (нормонозонология)	Избыточное потребление медицинских услуг (гипернозонология)	Недопотребление медицинских услуг (гипонозонология)
Гармоничный	Ипохондрический	Анозогнозический
Меланхолический	Неврастенический	Паранояльный
Апатичный	Тревожный	Сенситивный
	Эгоцентричный	Эргопатичный
	Дисфорический	Дисфорический

Для пациентов симптомы их болезней проявляются в контексте их жизни. Поскольку болезнь социально обусловлена, работники сферы здравоохранения и пациенты могут воспринимать совершенно одинаковый набор симптомов (или же их отсутствие) совершенно по-разному. Социальный контекст является интегральной частью любой болезни. На стадии определения симптомов, классификации симптомов и первых шагов по их устранению, борьбы с хроническими болезнями или же предсмертным состоянием все социальные характеристики пациента имеют очень большое значение. Этот эффект определяется социальной средой, местом работы, финансовым положением, семейным статусом, структурой системы здравоохранения, общей культурой общества. И если рассматривать потребление медицинских услуг как способ борьбы с болезнью, следует признать все перечисленные факторы влияющими на культуру этого потребления. Следовательно, агенты социализации (семья, друзья, трудовой коллектив, коллектив учебного заведения, коллектив лечебного учреждения и т.п.) могут провоцировать риски недопотребления услуг или избыточного их потребления.

В гипотезе исследования предполагалось, что отношение пациентов к системе здравоохранения должно изменяться под влиянием развития рынка медицинских услуг. Так же верно, что его развитие зависит от отношения пациентов к системе здравоохранения. Здесь очевидны прямая и обратная связь, но, в зависимости от предмета и цели исследования, детерминантной

становится либо одна, либо другая. Теоретически, чем более структурирован рынок медицинских услуг, тем легче и доступней становится медицинская помощь и, следовательно, повышается степень удовлетворенности пациентов ее оказанием. Сейчас у нас в стране рынок медицинских услуг изменился, стал более цивилизованным, хотя культура их потребления все еще отстает от уровня их предоставления. Следовательно, можно оценить влияние происшедших изменений.

По данным опроса, 17 % горожан никогда не обращались за медицинской помощью в свои районные поликлиники. Остальные, прибегавшие к такой помощи, чаще выражают недовольство, нежели удовлетворенность качеством медицинских услуг в этом звене системы здравоохранения (33 % — довольны, 43 % — недовольны). Недовольных попросили объяснить, что именно в работе районной поликлиники им не нравится. Отвечая на соответствующий открытый вопрос, респонденты чаще всего жаловались на низкую квалификацию медицинского персонала, недостаток хороших специалистов и низкое качество медицинской помощи в целом.

Официальными платными услугами поликлиник реже всего пользовались респонденты в возрасте от 55 лет (20 %) и жители периферийных городских микрорайонов (19 %), в то время как людям в возрасте 18...35 лет (33 %) и жителям центральных районов города (44 %) оплачивать свое лечение приходилось чаще других. Соотношение удовлетворенных и неудовлетворенных качеством платных услуг (17 и 7 % от общего числа опрошенных) заметно отличается от соотношения довольных и недовольных качеством всех — как платных, так и бесплатных — услуг районных поликлиник (33 против 43 %). Если же говорить о неофициальных денежных поощрениях работников районных поликлиник, то к ним прибегали лишь 15 % опрошенных. При этом среди людей с высшим образованием и жителей центральных районов (Центральный, Ворошиловский, Дзержинский) такая практика распространена несколько чаще (22 и 21 % соответственно).

Исследование показало, что после начала реализации Национального проекта «Здоровье» рынок медицинских услуг приобрел цивилизованный характер, все медицинские услуги в настоящее время являются платными, но социальные субъекты-плательщики — разные. Таковыми выступают: страховые фирмы (ОМС и ДМС), государство, ведомства и сами пациенты. Пациенты стали оценивать медицинскую помощь как систему предоставления услуг, но по-прежнему в качестве таковых рассматривают в основном те услуги, где плательщиками выступают они сами или фирма, у которой они приобрели полис ДМС.

По результатам исследования выяснилось, что если система предоставления медицинских услуг в последние пять лет приобрела институциональные черты, то культура потребления медицинских услуг до сих пор так и не сформировалась. Подтверждением этому служит то, что граждане не дифференцируют официальные и неофициальные проплаты за оказание медицинской помощи. Соотношение официальных и неофициальных выплат медицинским работникам составляет 3:1, что не позволяет оценить существующую систему как полностью институализированную.

Таким образом, пациенты а) считают медицинскими услугами только платные и б) считают платными услугами только те, за которые платят сами.

Обе эти позиции представляются нам ошибочными. Но причина ошибки осталась невыясненной. Конечно, можно говорить о низкой правовой грамотности населения, недостатке опыта потребления медицинских услуг, слабой информированности пациентов. Все это имеет место, но не как отдельные факторы, а как разные стороны одного и того же социального явления — низкой культуры потребления медицинских услуг. В западной социологии медицины проблему изучают уже более 60 лет, а у нас заговорили о ней лишь 5-6 лет назад [10]. Хотя все без исключения отечественные исследователи в области социологии медицины так или иначе отмечают факт неразвитости культуры потребления медицинских услуг, почему-то не выделяют его как предмет изучения и не употребляют сам термин «культура потребления медицинских услуг». Мы выяснили, что большинство проводимых в стране исследований по данной тематике можно интерпретировать в терминах культуры потребления медицинских услуг, что можно показать на анализе материалов Интернет-конференции «Охрана здоровья: проблемы организации, управления и уровня ответственности» [11—13], где приводятся данные о низкой удовлетворенности имеющимися возможностями получения медицинской помощи городскими жителями. Среди женщин удовлетворены ими полностью 4,1, отчасти — 29,9, не удовлетворены — 47,5, ответили «трудно сказать» — 18,4 %, среди мужчин эти ответы распределились соответственно 6,3, 30,2, 34,1, 29,3 %. Но можно ли считать эти данные достоверными, если мы не знаем, какие именно возможности пользования медицинскими услугами существуют и насколько пациенты ими пользуются. О каких услугах они знают, а о каких нет? Есть ли у них достоверная информация о стоимости услуг? Не мешают ли пользоваться ими немедицинские факторы? Мы интерпретировали выводы участников конференции по критерию уровня КПКМУ — культуры потребления медицинских услуг (табл. 2).

Таким образом, данные, приведенные участниками конференции как общие характеристики отношения населения к платным медицинским услугам, позволяют судить о генезисе культуры потребления этих услуг и ее параметрах.

Принципиальным моментом формирования культуры потребления медицинских услуг является очевидность/неочевидность их стоимости для потребителя. Отношение к услуге, за которую платит кто-то, и к услуге, за которую платишь лично — это разные отношения. В принципе сформированной культуру потребления медицинских услуг можно считать тогда, когда пациент обращается за необходимой помощью в государственные лечебные учреждения, а за дополнительной — в частные. У нас препятствием в формировании такого подхода является то, что в муниципальных учреждениях оказывают платные услуги наравне с «бесплатными» (по ОМС). Причем, не только высокотехнологичные, как предполагалось, когда принимались разрешительные документы по этому вопросу, а всякие, вплоть до парамедицинских и косметологических. Это окончательно запутывает потребителя, но все-таки в одном он убежден: бесплатные услуги бывают только в муниципальных учреждениях, а в частных бывают только платные услуги. Эта установка общественного сознания достаточно устойчива, как показывают исследования [11—13]. Поэтому нами был проведен анализ особенностей потребления медицинских услуг в медицинских организациях различных форм собственности г. Волгограда, включающих в себя наличие опыта ранее

предшествовавшего лечения в муниципальных и частных медицинских учреждениях, удовлетворенность им, опыт легитимных и нелегитимных платежей при получении услуг в муниципальных ЛПУ.

Таблица 2. Интерпретация данных удовлетворенности пациентов медицинскими услугами по критерию культуры их потребления

Выводы исследования, представленные на конференции	Интерпретация в терминах КПМУ
Большинство опрошенных (и мужчин, и женщин) прибегают к помощи врачей только в случае тяжелой болезни или после нескольких дней плохого самочувствия	Неправильная самооценка здоровья
Подобная структура обращений (преимущественно при тяжелой болезни или после нескольких дней плохого самочувствия) — результат низкой культуры самосохранительного поведения населения и сложившейся системы медицинского обслуживания, которая ориентирована почти исключительно на помощь только при серьезных заболеваниях и не всегда доступна	Прежняя культура потребления медицинской помощи отличается от нынешней культуры потребления медицинских услуг, население к ней пока не адаптировано и применяет старые стереотипы поведения
Существует связь между характером активности в сфере получения медицинских услуг и оценкой важности для здоровья своевременного обращения за медицинской помощью	Состояние системы медицинского обслуживания является объективным фактором формирования культуры потребления медицинских услуг
Не удовлетворены имеющимися возможностями получения медицинской помощи 47,5 % женщин и 34,1 % мужчин	Существуют гендерные отличия в культуре потребления медицинских услуг
На первом месте среди причин неудовлетворенности возможностями медицинского обслуживания большие очереди в медицинские учреждения	Культура потребления медуслуг прямо пропорционально зависит от культуры их предоставления
К платной медицине чаще вынуждены обращаться люди с плохим по самооценке здоровьем	Новый культурный стереотип: платные медуслуги обладают более высоким качеством
Почти 40 женщин и треть мужчин отметили, что им доступна лишь меньшая часть или недоступно почти ничего из необходимых лекарств	Отсутствие индивидуального подхода в назначении ЛС разрушает установки на необходимость получения данной услуги
Все или большинство необходимых лекарств доступны более чем половине респондентов с хорошим здоровьем (по самооценке), почти половине — с хорошим или удовлетворительным, трети — с плохим	Социальное расслоение формирует разные культурные паттерны потребления медуслуг
Все или большинство необходимых лекарств доступны 38,9 % респондентов из группы с душевым доходом менее 2750 р., 43,4 % — из группы от 2751 до 5500 р. и примерно половине из группы с доходом свыше 5501 р.	Комплаентность пациентов как составная часть культуры потребления медуслуг прямо пропорциональна уровню благосостояния

Исследование показало, что институализация частного сектора здравоохранения — необходимое, но не достаточное условие воспитания культуры

потребления медицинской помощи как совокупности услуг. Кроме того, необходимо учитывать, что потребление и предоставление услуг — две стороны одного процесса, оторвать их друг от друга и рассматривать изолированно нельзя, поэтому мы проанализировали отношение к рынку медицинских услуг тех, кто их предоставляет, т.е. медицинских работников.

Медицинские работники муниципальных учреждений чаще, чем медработники частных учреждений, сталкиваются с проблемой нехватки медикаментов, оборудования и инструментария. При этом данную категорию респондентов отличает менее оптимистичная оценка существующей системы медицинского обслуживания: только 6,8 % респондентов — «бюджетников» свидетельствуют об ее изменении в лучшую сторону. То есть возрастающий уровень культуры предоставления медицинских услуг требует соответствующего уровня материально-технического (включая лекарственное) обеспечения. Хотя здесь отчетливо прослеживается и обратная связь. Более высокий уровень дохода, повышение социального статуса, лучшие условия работы являются факторами, способствующими перетеканию человеческих ресурсов из муниципального сектора в частные ЛПУ. Пациенты рассматривают уровень культуры предоставления медицинских услуг в них как более высокий по сравнению с муниципальными ЛПУ.

На основании проведенного исследования нами предложены следующие рекомендации:

обеспечить в муниципальных лечебных учреждениях полис обязательного медицинского страхования приложением, в котором была бы представлена номенклатура услуг, оплачиваемых по ОМС;

при регистрации пациента в лечебном учреждении снабжать его Памяткой пациента с указанием номенклатуры услуг, их стоимости, плательщика;

дифференцировать поставщиков медицинских услуг по программе ОМС, по программе ДМС и платных. Для этого не обязательно создавать несколько типов лечебных учреждений, достаточно выделить кабинеты платных услуг в муниципальных ЛПУ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ордина Н.Б., Савонина Ю.А. Изучение отношения населения к введению платных медицинских услуг // Проблемы социальной гигиены и история медицины. 1997. № 3. С. 21—22;
2. Прошин П.В. Отношение пациентов к платным медицинским услугам : дис. ...канд. соц. наук. Волгоград, 2008.
3. Ефименко С.А. Медицинская помощь глазами москвичей // Бюллетень НИИ гигиены, экономики и управления здравоохранением им. Н.А. Семашко. М., 2003. Вып. 7. С. 149—152.
4. Научный отчет по теме «Условия жизни и бедность в России» / рук. Л.Н. Овчарова ; ИСЭПН РАН. М., 2002.
5. Тихонова Н.Е. Феномен городской бедности в современной России. М. : Летний сад. 2003.
6. Римашевская Н.М. Человек и реформы: Секреты выживания. М. : РИЦ ИСЭПН, 2003. С. 125.
7. Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению. М. : Моск. центр Карнеги, 1998. С. 18—19.
8. Носачев Г.Н., Гусарова Г.И., Павлов В.В. Психология и этика общения с пациентом. Самара : Перспектива, 2003. С. 120—121.
9. Мухина Т.В. О методах измерения здоровья через оценку функционального состояния здоровья / Здравоохран. РФ. 2006. № 5.
10. Шляпникова М.Н. Региональное пространство медицины. Волгоград : Изд-во ВолГМУ, 2008. URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/307662/print.html>.
11. Астафьев Л.М. Социологический анализ удовлетворенности пациентов оказанием медицинской помощи: дис. ...канд. соц. наук. М., 2005.
12. Петров А.В., Бармина Т.В. Отношение населения к платным медицинским услугам как отражение правовой культуры их потребления // Медицинское право. 2009. № 4.
13. Афанасьева О.Ю., Воронин В.А., Табатадзе В.Г. Права пациентов при оказании стоматологической помощи // Социальное и пенсионное право. 2006. № 4.

Поступила в редакцию в октябре 2009 г.

© Седова Н.Н., Эртель Л.А., 2009

УДК 81:39

Ма Яньли, Г.Г. Слышкин**ЗАСТОЛЬНЫЙ РИТУАЛ
В СОВРЕМЕННОЙ
КИТАЙСКОЙ И РУССКОЙ
ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЕ**

Статья завершает цикл публикаций, посвященных сравнительному лингвокультурологическому анализу основных ритуалов современной городской культуры России и Китая. Работы являются итогом исследований, выполненных группой китайских аспирантов под руководством проф. Г.Г. Слышкина.

Рассмотрен застольный ритуал как коммуникативная практика и лингвокультурный концепт.

Ключевые слова: застолье, ритуал, лингвокультура, коммуникация, концепт, жанр.

*Ma Yanli, G.G. Slyshkin***FEAST RITUAL
IN THE MODERN CHINESE
AND RUSSIAN URBAN
CULTURE**

The article finishes a series of publications devoted to the comparative linguistic and cultural analysis of basic rituals of the modern Russian and Chinese urban culture. The data presented in the articles results from the research carried out by a group of Chinese postgraduates under the guidance of professor G.G. Slyshkin. In the third article the ritual of feast is viewed as a communicative custom and a linguistic cultural concept.

Key words: feast, ritual, linguistic culture, communication, concept, genre.

Об авторах:

Ма Яньли —
кандидат филологических наук
КНР, г. Пекин

Слышкин Геннадий Геннадьевич —
доктор филологических наук, профессор,
зам. директора по научной работе
Волгоградского филиала
Российского государственного
торгово-экономического университета
ggs1@yandex.ru, тел. 8(8442) 33-28-57

Ритуал совместного употребления пищи представляет собой универсальный феномен, существующий во всех культурах: простых и сложных, древних и современных. К его основным функциям относятся:

1) коммуникативная. За общим столом создается особая атмосфера, и в это время совершается обмен определенной информацией между людьми (светская трапеза) или между людьми и богами (сакральная трапеза, восходящая к жертвоприношению);

2) интегрирующая. Совместное принятие пищи укрепляет социальные связи, присутствие за общим столом автоматически включает человека в какой-либо круг или коллектив;

3) дифференцирующая. Многие ритуальные элементы трапезы направлены на выражение определенных традиционных отношений между участниками. Занимаемое участником пира место и потребляемая пища становятся средством социальной идентификации. Дифференцирующая направленность застольного ритуала может проявляться в следующих оппозициях: оппозиция «хозяин-гость», социально-статусная оппозиция, возрастная оппозиция, гендерная оппозиция;

4) утопическая. Застолье предстает как некая идеальная модель будущего, сопряженного с весельем и пищевым изобилием. Застольные пьянство и обжорство, носящие карнавальный характер, являются особыми способами достижения состояния утопии. Даже люди, соблюдающие в обычной жизни относительную умеренность, на больших торжествах часто поглощают невероятное количество пищи и напитков;

5) функция преемственности духовной культуры общества. Застолье обеспечивает передачу духовных ценностей из поколения в поколение с помощью определенных знаков и норм символического поведения. Эта функция проявляется, прежде всего, в следовании этикету, принятому в данной группе людей. Каждой исторической эпохе свойственны свои застольные традиции. Они учат человека вести себя правильно не только во время застолья, но и во внезастольное время, т.е. регулируют действия людей за пределами ритуала.

Застольный ритуал представляет собой культурно-историческое явление. Можно выделить следующие исторические факторы, повлиявшие на формирование и развитие русской и китайской застольных практик.

1. Языческое происхождение. Данный фактор более значим для китайской культуры. В китайской застольной практике определенные следы язычества сохраняются до сих пор (например, в некоторых регионах Китая первый бокал вина выливается на землю в качестве жертвоприношения).

2. Влияние религии или религиозной философии. Для русской культуры таким фактором стало православие. Христианская церковь оказывала целенаправленное влияние на ритуал застолья, стремясь искоренить в нем языческие корни. В результате произошло смешение языческих и христианских символов (например, наиболее почетным местом за столом стал считаться «красный угол», т.е. место под иконами). На формирование китайского застольного ритуала решающее влияние оказало конфуцианство, предложившее детальную регуляцию выбора пищи и поведения за столом. Идеи Конфуция и его ученика Мэн Цзы о нормах совместной трапезы стали основой китайского застольного этикета и получили развитие в последующие исторические периоды. Если православие стремилось к борьбе с язычеством, то конфуцианство поддерживало многие языческие нормы, в том числе касающиеся застолья.

3. Межкультурные контакты. Данный фактор значительно более важен для русской культуры, соприкасавшейся в различные периоды своего существования с культурами многих народов. К межкультурным контактам, оказавшим влияние на культуру русского застолья относятся воздействие греко-византийской культуры (X—XII вв.), татаро-монгольское завоевание (XIII—XV вв.), влияние западноевропейской культуры в ходе петровских реформ (XVIII в.) и влияние глобальной западной культуры (XX в.). Китайская культура подверглась гораздо меньшему инокультурному влиянию, поскольку Китай много веков был замкнутой страной. Лишь с середины XIX в. он постепенно открыл свои двери западным странам. Следует отметить, что и в XX в. влияние западных застольных форм и этикета в Китае было не столь велико, как в России (это проявляется, например, в отсутствии заимствованных лексем среди китайских обозначений видов застолья).

В ритуале коллективной трапезы находят знаковое воплощение важнейшие позитивные ценности социума. Именно в ценностной ориентированности и семиотической насыщенности заключаются истинный смысл застолья и его коренное отличие от будничного приема пищи. Исследование показало, что набор ценностей, реализующихся в ходе русского и китайского застолья, практически идентичен. Ценностными доминантами застолья являются стремление к процветанию рода, цельности и счастью семьи, богатству и благополучию, успешной карьере, здоровью и долголетию, вечной любви и дружбе.

Лингвокультурная специфика проявляется в выборе средств апелляции к застольным ценностям. Ведущим средством реализации ценностных доминант русского застолья является жанр тоста. В китайской застольной коммуникации данный жанр также представлен, но между русскими и китайскими тостами существуют коренные отличия.

1. Русские тосты значительно более многочисленны, разнообразны и многословны. Выделяется множество тематических групп тостов (вступительные, приглашительные, благодарственные, ответные и т.п.). В китайской

культуре существуют определенные шаблоны тостов, которые обычно отличаются краткостью (например, *万事如意 (Вань ши жу и — Да будет все по Вашему желанию! — универсальное пожелание в любой застольной ситуации).*

2. Порядок произнесения русских тостов часто регламентирован. По обычаю первый тост предлагается за событие, послужившее поводом к застолью, второй — за родителей, третий — за любовь. Китайскому застолью такая регламентация не свойственна.

3. Русские тосты часто рифмуются (например: *Как хорошо в кругу с друзьями! / Хотя и знаем мы — вокруг / Не всякий тот, кто рядом с нами, / Увы, увы, бывает друг. / Но, не скрывая чувств горячих, / Бокал поднять хочу я сей / За неказенных, настоящих, / За самых преданных друзей).* В Китае тосты-стихотворения — редкость.

4. Русские тосты часто включают нарративный элемент, предшествующий провозглашению благопожелания (например, *Однажды жена говорит мужу утром: — Ах, дорогой, я видела во сне, что ты купил мне прелестную накидку. — Засни, душечка, может ты дальше увидишь во сне, где мне взять денег, — ответил муж. Так выпьем же за то, чтобы все наши самые хорошие сны всегда сбывались!).* В китайских тостах подобный элемент отсутствует.

5. По сравнению с китайскими русские тосты часто отличаются выраженной гендерной направленностью. Среди русских тостов выделяются тосты за мужчин и женщин, тост за женщин считается обязательным элементом застолья.

В китайской лингвокультуре более значимым средством реализации застольных ценностей является использование особой семиотической системы — системы пищевых знаков. Пищевой знак — это знак, план выражения которого формируется блюдом или продуктом, а план содержания не связан с пищевой тематикой. В ходе застолья пищевой знак является одновременно и объектом потребления (его едят), и носителем информации (он обозначает определенную ценность). Можно выделить четыре основных типа связи между продуктом (блюдом) и обозначаемой ценностью:

1) омофоническая связь названия продукта и имени ценности. Например, рыба является обязательным блюдом на новогоднем столе северных китайцев не просто потому, что она вкусна. Китайское название рыбы 鱼 (yú, юй) созвучно со словом 余 (yú, юй), которым обозначается *достаток*. Блюдо из рыбы выступает как символ жизненного достатка в будущем году;

2) метафорическая связь физических характеристик продукта или блюда и обозначаемой ценности. Например, во время застолья по случаю дня рождения именинник должен есть 面条 (мянь тяо, лапшу), длинная форма которой символизирует долголетие;

3) связь продукта с ценностью через прецедентный текст. Часто поводом к возникновению пищевых знаков становятся легенды или сказки. Самым типичным примером является 烧尾宴 (shāo wěi yàn, шао вэй янь) — рыбное застолье, возникшее во время династии Тан (618—907 гг. н.э.). Такое застолье в настоящее время устраивается в ресторане. Оно связано со следующей легендой: *Однажды весной плыл сазан против течения и приплыл к двери дракона. Рыба пыталась перепрыгнуть через эту дверь, но большие волны за-*

ставляли ее терпеть поражение снова и снова. Однако рыба не унывала. В конце концов сазан набрался сил и перепрыгнул через дверь Дракона. В это время небесный огонь — гром и молния — зажег хвост сазана, и тот превратился в настоящего дракона. Данная легенда связывается со стремлением китайцев к карьере. Превращение сазана в дракона символизирует карьерный рост;

4) связь блюд с ценностью через символику чисел. Во время китайского застолья важную роль играет также количество блюд, которое обязательно должно быть четным. Четное число для китайцев является символом счастья, благополучия.

Значимым элементом застольной системы ценностей является выражение оценочного отношения к сотрапезнику. В русской лингвокультуре оно носит в основном вербальный характер и так же, как и ценностные доминанты застолья, реализуется в жанре тоста. В ходе китайского застолья более важную роль при выражении оценочного отношения к сотрапезнику играет система пространственных и кинетических знаков. Для носителей китайской лингвокультуры размещение за столом отличается высокой символичностью. Почетные места занимают старшие по социальному статусу и по возрасту люди. Важнейшим кинетическим знаком является 敬酒 (jìng jiǔ, цзин цзю — *преподнесение вина кому-либо с уважением*). Часто старшему по возрасту или статусу участнику застолья персонально преподносят вино все остальные сотрапезники. Данный ритуал может сопровождаться словесным выражением благодарности и благопожелания, однако вербальный ряд играет здесь вторичную роль и может сводиться лишь к устойчивой формуле 我敬您 (wǒ jìng nín, уо цзин нинь — *Я преподношу Вам вино*).

Результатом рефлексии носителей языка по поводу застольного ритуала становится лингвокультурный концепт «застолье». Концепт является одним из наиболее разнообразно трактуемых терминов современной лингвистики. Существует множество его определений. В данной работе концепт рассматривается с точки зрения аксиологической (ценностной) лингвистики, основы которой были заложены В.И. Карасиком. Лингвокультурный концепт — это многомерное смысловое образование, в котором выделяются понятийная, образная и ценностная составляющие при доминировании последней [1]. В работе используются модели лингвокультурного концепта, предложенные Г.Г. Слышкиным. Это ассоциативная модель, включающая интразону (зону входящих ассоциаций) и экстразону (зону исходящих ассоциаций), и модель разноуровневого языкового воплощения, включающая уровень системного потенциала, уровень субъектного потенциала и уровень текстовой реализации [2].

Для исследования **уровня системного потенциала** лингвокультурного концепта «застолье» в работе использовались данные сплошной выборки из 25 толковых, синонимических, этимологических, фразеологических и паремнологических словарей китайского и русского языков. Уровень системного потенциала данного концепта в русском языке формируется синонимическим рядом, доминантой которого является лексема *застолье*. В этот ряд входят следующие единицы: *банкет, фуршет, пир, пирушка, пьянка, попойка, трапеза, братчина, поминки*. Для большинства этих лексем характерно отсутствие явной внутренней формы. Некоторые из них являются заимствованиями

из других языков (например, *банкет, фуршет*). Таким образом, можно констатировать, что интразона русского концепта «застолье» довольно бедна.

Для носителей китайской лингвокультуры внутренняя форма всех лексических обозначений застолья носит прозрачный характер. Основой обозначения застолья стали односложные слова 席 (xí, си — трапеза) и 宴 (yàn, янь — банкет), используемые в современном китайском языке в функции слогоморфем.

席 (xí, си) первоначально обозначало *циновку на земле*. Древние китайцы во время обеда или собрания клали на землю несколько циновок, одна из которых называлась 席 (xí, си). Первоначальной формой 席 (xí, си) являлся рисунок 席 (прямоугольная циновка с рисунками). С течением времени китайцы добавили в него ключ 厂 (упрощенная форма дома). После этого 席 (xí, си) стал указательным знаком и получил более конкретное значение: *циновка в доме*.

宴 (yàn, янь) в современном китайском языке обозначает *банкет, застолье*. Указательный иероглифический знак 宴 (yàn, янь) включает в себя три ключа: 宀 (крыша с точкой, крыша), 日 (солнце) и 女 (девица), они вместе указывают на то, что *девица не выходит за дверь и днем отдыхает*. Для древних китайцев это символизировало покой в доме, спокойную жизнь, прямое значение слогоморфемы было *спокойно на отдыхе, спокойствие и довольство*. С помощью слогоморфемы 宴 (yàn, янь) формируется ряд лексем, служащих средствами апелляции к концепту «застолье». Среди них можно выделить следующие семантические типы:

1) повод к застолью + слогоморфема yàn, например, 喜宴 (xǐ yàn, си янь — *праздник + банкет*), 除夕宴 (chú xī yàn, цу си янь — *накануне Нового года + банкет*);

2) блюда и продукты + слогоморфема yàn, например, 鱼宴 (yú yàn, юй янь, *рыба + банкет*), 饺子宴 (jiǎo zi yàn, цзао цзы янь, *пельмени + банкет*);

3) статус участников застолья + слогоморфема yàn, например, 学子宴 (xué zǐ yàn, суй цзы янь, *соученики + банкет*);

4) ценностные ориентиры застолья + слогоморфема yàn: 团圆宴 (tuán yuán yàn, туань юань янь — *собираться вместе + банкет*), 五福临门宴 (wǔ fú lín mén yàn, у фу линь мэн янь — *приход пяти счастливых на дом + банкет*), 长生宴 (cháng shēng yàn, чан шен янь — *долголетие + банкет*);

5) место проведения застолья + слогоморфема yàn: 长街宴 (cháng jiē yàn, чан цзе янь — *длинная улица + банкет*), 洛阳宴 (luò yang yàn, ло ян янь — *город Лоян + банкет*);

6) названия исторических событий, мест, имена исторических персонажей + слогоморфема yàn: 乾隆御宴 (qián lóng yù yàn, Цяньлун юй янь — *император Цяньлун + банкет*).

В языковом сознании китайцев существует также особый тип застолья: 鸿门宴 (хун мэн янь — *застолье с какой-то опасностью или интригой*). Происхождение данной лексемы связано с борьбой за трон Китайской империи в эпоху династии Цинь (III в. до н.э.), когда один из претендентов пытался убить другого в ходе пиршества.

В русском и китайском языках существует ряд фразеологических и паремиологических единиц, значение которых связано с концептом «застолье».

Фразеологическая и паремиологическая интразона русского и китайского концептов «застолье» включает следующие общие элементы:

1) застольное изобилие: *как на маланьину свадьбу, лукуллов пир, пир горой*, 肉山酒海 (жо шань цзю хай — *мясная гора и винное море*), 大宴宾客 (да янь бинь кэ — *устроить роскошное застолье и угощать гостей*);

2) застольная атмосфера: *Веселье Руси — пить, Радуйся, Кирюшка, будет у бабушки пирушка*, 笑筵歌席 (сяо янь гэ янь — *застолье, наполненное смехом и песнями*), 宾主尽欢 (бинь чжу цзинь хуань — *как гости, так и хозяева весело проводят время*);

3) отношения между участниками застолья: *пить на брудершафт*, 酒肉朋友 (цзю жоу пэнью — *друг по вину и мясу*), 感情深一口闷, 感情浅舔一舔 (Гань чин шень и коу мэнь, гань чин чянь тянь и тянь, *Если между нами хорошие отношения — пей до дна, если отношения так себе — чуть лизни*). Особенно сходно в рассматриваемых лингвокультурах выражение оппозиции «хозяин — гость», ср.: русское *Гость во власти хозяина* и его абсолютный китайский эквивалент 客随主便 (кэ суй чжу бянь);

4) цель и результат трапезы: *пить магарыч; В воскресенье веселье, в понедельник похмелье*, 杯酒戈矛 (бэй цзю гэ мао, *возникшие во время застолья противоречия*), 杯酒释兵权 (бэй цзю ши бин чуань — *Одним бокалом вина снята военная власть*);

5) время и длительность застолья: *Добрая свадьба неделю празднуется попойкою*, 酒过三巡 (цзю гуо сань сюнъ — *через три круга вина*).

Уникальными для русской лингвокультуры являются единицы со значением недостатка пищи или питья, например: *Из больших гостей домой хлебать щей; Без соли, без хлеба худая беседа; Зазвал гостей глодать костей*.

В китайском языке присутствует ряд тематических групп фразеологизмов и паремий, лакунарных для русской лингвокультуры:

1) обозначения застольного этикета и его нарушений: 东道之谊 (дон дао чжи и — *гостеприимство хозяина*), 以礼相待 (и ли сян дай — *принимать гостя по правилам этикета*), 反客为主 (фань кэ вэй чжу — *Гость ведет себя как хозяин*); (ли цзю бу шэ — *На стол не ставится сладкое вино*);

2) единицы, противопоставляющие участников застолья по месту в социальной иерархии или по гендерному признаку: 酒席筵间分上下 (Цзю си янь цзянь фэнь шан ся — *Во время застолья надо соблюдать иерархические правила*), 酒是老年人的, 肉是年轻人的 (Цзю ши лао жень дэ, жоу ши нянь чин жень дэ — *Вино надо преподносить старым, а мясо — молодым*), 席上若有一点红, 斗筭之器饮千钟, 座中若无红一点, 江海之量不几盏 — *Если среди участников застолья есть хоть одна женщина, то можно выпить тысячу больших бокалов, а если нет никакой, то можно выпить лишь несколько бокалов, хотя человек бездонная бочка*);

3) единицы, ассоциирующие застолье с процессом стихосложения и с игрой: 诗朋酒侣 (ши пэн цзю луй — *друг, с которым можно вместе выпивать и составлять стихотворения*), 猜拳行令 (цай чуань син лин — *застольные игры*).

Универсальными для экстразон китайского и русского концептов «застолье» являются следующие ассоциации:

1) «застолье → изобилие», например, *пир духа; пир ума; пир любви*, 响宴 (xiǎng yàn, сянь янь, *пир звуков*), 足球盛宴 (zúqiú shèngyàn, цзучу шен янь — *пир футбола*);

2) «застолье → веселье»: *Горе горевать не пир пировать*; 盛宴难再 (shèng yàn nán zài, шен янь нань цзай — *Торжественный пир трудно устроить еще раз*);

Для русской лингвокультуры также характерны ассоциации, лакунарные для китайской культуры:

1) «застолье → похмелье → неприятности»: *в чужом пиру похмелье*;

2) «несвоевременное застолье → неизбежная расплата»: *пир во время чумы, вальсасаров пир*;

3) «застолье → избранность участников»: *Не барину тот пир, куда бредет весь мир; Убогого не зовут на пир*;

4) «приглашение на застолье → возможность обмана и гибели»: *Звал волк козу на пир, да коза нейдет; И не рада б курочка на пир, да за хохол тащат*.

В китайской лингвокультуре представлена уникальная ассоциация «конец застолья → расставание», например, 盛宴必散 (shèng yán bì sǎn — *Участники застолья всегда расходятся*); 天下无不散的宴席 (tiānxià wú bú sǎn de yǎnxí — *Застолье всегда заканчивается*).

Уровень субъектного потенциала концепта «застолье» рассмотрен в работе экспериментальным путем. Для его раскрытия были проведены два эксперимента: дефинирование и свободное ассоциирование. В каждом эксперименте информантами выступили по 100 носителей русского и китайского языков. При выборе участников соблюдались гендерная и возрастная пропорции. Для дефинирования респондентам были предложены слова *застолье* и 酒席. В качестве стимулов для свободного ассоциирования выступили лексемы *застолье*, *банкет*, *пир* и 酒席, 宴会, 聚餐. Содержательный и статистический анализ полученных результатов позволил выявить следующие универсальные элементы ассоциативно-вербальной сети русской и китайской лингвокультур:

1) форма трапезы. В данную группу вошли определения застолья через синонимичную лексему или ассоциирования внутри синонимического ряда. При дефинировании к этой группе обратились 13 % русских и 11 % китайских респондентов, при свободном ассоциировании — 17,7 и 2,7 % соответственно;

2) повод к застолью. При дефинировании к этой группе обратились 49 % русских и 4 % китайских респондентов, при свободном ассоциировании — 19 и 18 % соответственно. Контраст между лингвокультурами наблюдается в степени абстрактности обозначаемого повода. Если русские называют в основном *праздник*, то для китайцев характерны конкретные названия торжественных событий. Самым высокочастотным поводом, предложенным китайскими респондентами, является бракосочетание;

3) застольная атмосфера. Эта группа равно представлена в ответах носителей обеих лингвокультур. При дефинировании к ней обратились по 3 % китайцев и русских, при свободном ассоциировании — по 8,7 %. Русские участники эксперимента ассоциируют застолье с весельем и радостью, китайские — с весельем, торжественностью и шумом;

4) еда и напитки на столе и их количество. При дефинировании к этой группе обратились 39 % русских и 20 % китайских респондентов, при сво-

бодном ассоциировании — 22 и 12,8 % соответственно. В ходе ассоциативного эксперимента русские несколько чаще, чем китайцы, обращались к подгруппе «спиртные напитки», китайцы же чаще русских предлагали ассоциации, связанные с пищей;

5) поведение участников во время застолья. При дефинировании к этой группе обратились 13 % русских и 15,3 % китайских респондентов, при свободном ассоциировании — 24 и 24,4 % соответственно. Здесь также наблюдается превалирование у русских респондентов подгруппы «пить», а у китайцев «кушать»;

6) состав участников застолья. В ходе дефинирования к этой группе обратились 40 % русских и 51 % китайских респондентов, при свободном ассоциировании — 5,9 и 10,5 % соответственно. Носители китайской лингвокультуры значительно чаще, чем русские, ассоциируют застолье с коллегами по работе.

В ответах носителей русского языка представлены единично или не представлены вообще следующие ассоциативные группы, характерные для носителей китайского языка:

1) место проведения застолья. 4 % китайских информантов ассоциировали застолье с рестораном;

2) застольный наряд. К этой группе также относится 4 % ответов носителей китайской культуры;

3) оценочное отношение к застолью. 15,1 % респондентов-китайцев дали ответы, содержащие оценку застолья. При этом лишь в 3,1 % оценка носила положительный характер. Китайцы ассоциируют застолье с такими негативными явлениями, как расточительство, пустая трата времени, скука и однообразие.

Для исследования *уровня текстовой реализации* концепта «застолье» были составлены базы данных, содержащие тексты одиннадцати русских и четырех китайских газет. Общий объем базы составил около 30 миллионов китайских иероглифов и около 30 миллионов русских слов.

Анализ материалов свидетельствует, что в китайских текстах единицы, апеллирующие к концепту «застолье», используются значительно чаще. Частотность русских обозначений застолья в рассмотренных газетах составляет 835, китайских — 3 367 раз.

Как для русских, так и для китайских СМИ концепт «застолье» тесно связан со следующими концептами:

1) «торжество». Для носителей обеих исследуемых лингвокультур застолье является важнейшим элементом празднования. В текстах русских газет застолье связывается со светскими и религиозными праздниками: *Новый год* (21), *День женщины* (8), *Рождество* (6), *Масленица* (5), *День победы* (3), *Старый Новый год* (2). В китайских газетах апелляции к концепту «застолье» осуществляются в сочетании с названиями таких праздников, как *Праздник Весны* (231), *Праздник фонарей* (43), *День создания КНР* (23), *Рождество* (17), *Майские праздники* (12), *Лунный праздник* (11), *День армии* (3). Кроме того, в обеих рассмотренных группах текстов застолье часто упоминается при описании празднования свадьбы, дня рождения, спортивных побед и других индивидуальных достижений;

2) «общение». Для носителей русской и китайской лингвокультур застолье является неременным атрибутом дипломатического общения и корпора-

тивной культуры, что проявляется в многочисленных описаниях дипломатических и корпоративных банкетов;

3) «болезнь». В сознании русских и китайцев концепт «застолье» связывается с чрезмерным употреблением еды или алкоголя и обусловленными этим заболеваниями. Приведем примеры:

А что необходимо предпринять, чтобы избежать нагрузки на печень и желчный пузырь от обильной жирной пищи и алкоголя, особенно если печень больна? Посоветуйте, пожалуйста, как избежать таких неприятных последствий застолья, как боли и тяжесть в правом подреберье, тошнота, горечь во рту? (Аргументы и факты, 22.01.2003).

专家认为,宴席上的“劝酒”场面不是“好事”,相反容易“闯祸”。曾有一个病例,某人被一个朋友带去参加一场婚宴,被同桌“激将”劝酒后,一口气喝下 3 瓶“二锅头”,最后因酒精中毒死在医院。(新闻晚报, 06.10.2004). — *Специалист считает, что нет ничего хорошего в том, чтобы уговаривать друг друга выпивать. Наоборот, это может вызвать плохие последствия. Так, одного участника свадебного банкета уговорили выпить три бутылки «Эргуоту», и он умер от отравления алкоголем.*

Как в русской, так и в китайской лингвокультурах концепт «застолье» связан с концептом «преступление». Однако типы преступлений, с которыми сопряжено застолье для рассматриваемых социумов различны. Русское застолье ассоциируется с насильственными преступлениями (пьяная драка, избиение, убийство):

Пьяное застолье работников вневедомственной охраны УВД Северного округа во время ночного дежурства закончилось убийством двух человек (Московский комсомолец 04.04.2003).

Для носителей китайского языка застолье является атрибутом хищений государственной собственности и коррупции. В связи с концептом «застолье» часто употребляется лексема 公款吃喝 (гун куань чи хэ — *есть и выпивать на бюджетные деньги*).

На основании анализа всех уровней существования концепта можно констатировать, что китайский концепт «застолье» обладает более высокой актуальностью и имеет более сложную структуру и более обширную языковую реализацию, чем русский. На уровне системного потенциала это проявляется в большей длине китайского синонимического ряда, обозначающего застолье, в большем количестве фразеологизмов и паремий с компонентом «застолье», на уровне субъектного потенциала — в большем разнообразии ассоциаций, данных носителями китайского языка на стимулы, связанные с застольем, на уровне текстовой реализации — в большей частотности апелляций к концепту «застолье» в текстах китайских СМИ.

Выводы. 1. Система ценностей, реализующаяся в ритуале застолья, имеет универсальный характер для китайской и русской лингвокультур. Ее доминантами являются стремление к процветанию рода, цельности и счастью семьи, богатству и благополучию, успешной карьере, здоровью и долголетию, вечной любви, дружбе. Значимым элементом застольной системы ценностей в обеих лингвокультурах является также выражение оценочного отношения к сотрапезнику.

2. Специфика русской и китайской лингвокультур проявляется в выборе средств апелляции к застольным ценностям. В русской лингвокультуре как

при апелляции к ценностным доминантам застолья, так и при выражении оценочного отношения к сотрапезнику превалируют вербальные средства, реализующиеся в рамках жанра тоста. В китайской лингвокультуре при апелляции к ценностным доминантам более важную роль играет система пищевых знаков, а при выражении оценочного отношения к сотрапезнику — система пространственных (размещение за столом) и кинетических (поднесение вина) знаков.

3. Результатом рефлексии носителей языка по поводу застольного ритуала становится лингвокультурный концепт «застолье». Китайский концепт «застолье» обладает более высокой актуальностью и имеет более сложную структуру и более обширную языковую реализацию, чем русский. На уровне системного потенциала это проявляется в большей длине китайского синонимического ряда, обозначающего застолье, в большем количестве фразеологизмов и паремий с компонентом «застолье», на уровне субъектного потенциала — в большем разнообразии ассоциаций, данных носителями китайского языка на стимулы, связанные с застольем, на уровне текстовой реализации — в большей частотности апелляций к концепту «застолье» в текстах китайских СМИ.

4. На уровне системного потенциала интразона русского концепта «застолье» довольно бедна, поскольку для многих русских лексем, апеллирующих к концепту «застолье», характерно отсутствие явной внутренней формы. Для носителей китайского языка внутренняя форма всех лексических обозначений застолья носит прозрачный характер. Лексическая интразона китайского концепта «застолье» включает следующие элементы: повод к застолью, блюда и продукты, социальный статус участников застолья, ценностные ориентиры застолья, место проведения застолья, названия исторических событий, мест, имена исторических персонажей, наличие застольной интриги или заговора. Фразеологическая и паремиологическая интразона русского и китайского концептов «застолье» включает ряд общих элементов: обозначения застольного изобилия, застольной атмосферы, отношений между участниками, цели и результата трапезы, времени и длительности застолья. Уникальными для русской лингвокультуры являются единицы со значением недостаток пищи или питья, для китайской — обозначающие нарушения застольного этикета, противопоставляющие участников застолья по месту в социальной иерархии и по гендерному признаку, ассоциирующие застолье с процессом стихосложения и игрой.

В экстразону китайского и русского концептов «застолье» входят ассоциации «застолье → изобилие» и «застолье → веселье». Для русской лингвокультуры также характерны ассоциации «застолье → похмелье → неприятности», «несвоевременное застолье → неизбежная расплата», «застолье → избранность участников», «приглашение на застолье → возможность обмана и гибели». В китайской лингвокультуре представлена уникальная ассоциация «конец застолья → расставание».

5. На уровне субъектного потенциала китайский и русский концепты «застолье» включают следующие ассоциативные группы: форма трапезы, повод к застолью, застольная атмосфера, еда и напитки на столе и их количество, поведение участников во время застолья, состав участников застолья. В сознании носителей русского языка слабо представлены или не представлены

вообще следующие ассоциативные группы, характерные для носителей китайского языка: место проведения застолья, застольный наряд, оценочное (в основном отрицательное) отношение к застолью.

6. На уровне текстовой реализации в дискурсе СМИ концепт «застолье» обеих рассматриваемых лингвокультур ассоциируется со следующими концептами: «торжество», «общение», «болезнь». Как в русской, так и в китайской лингвокультурах концепт «застолье» связан с концептом «преступление», однако русское застолье ассоциируется с насильственными преступлениями (пьяная драка, избиение, убийство), китайское же — с хищениями государственной собственности и коррупцией.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002.
2. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград : Перемена, 2004.
3. Ма Яньли. Застольный ритуал и концепт «застолье» в китайской и русской лингвокультурах : дис. ...канд. филол. наук. Волгоград, 2005.

© Ма Яньли, Слышкин Г.Г., 2009

*Поступила в редакцию
в ноябре 2009г.*

УДК 371(470.45)

А.Н. Буров

**МОДЕРНИЗАЦИЯ
ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР
ЭФФЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ**

Освещены современные проблемы образования. Обоснована необходимость соединения научных достижений и образовательной практики. Предложен ряд мер, направленных на повышение эффективности реформаторских мероприятий в данной отрасли социального развития.

Ключевые слова:
образовательный стандарт, реформа образования, научные кадры, интеллектуальная безопасность, ЕГЭ.

A. N. Burov

**EDUCATION MODERNIZATION
AS A FACTOR OF EFFECTIVE
DEVELOPMENT**

The educational problems are viewed including the urban ones. The necessity of integration of scientific progress and educational practice is proved. A set of arrangements is proposed to improve the effectiveness of reformative measures in this social development sphere.

Key words:
educational standard, educational reform, scientific personnel, intellectual security, Unified state examination (USE).

Об авторе:

Буров Алексей Никитович — заслуженный деятель науки РФ, д-р ист. наук, проф., директор Волгоградского филиала Российского государственного торгово-экономического университета rektor@vrsteu.ru, (844-2) 33-17-54

Российское образование, как и другие формы социального взаимодействия, находится в процессе перманентного и всеобъемлющего реформирования. Это вызвано необходимостью реагировать на крупнейшие социально-экономические, технические и технологические вызовы XXI в., в основе которых лежит стремление российского государства к самоутверждению в качестве одной из ведущих мировых держав.

Мировая практика показывает, что серьезные и невосполнимые потери в сфере образования несут в себе угрозу конкурентоспособности страны. Страны, рано осознавшие это, продвинулись далеко вперед на пути технического прогресса. Например, закон о всеобщем среднем образовании в Японии разработан парламентом страны и принят на рубеже XIX—XX вв. А в современных условиях муниципалитеты Японии обеспечивают бесплатное высшее образование.

Вектор развития образования определяется традициями общества, необходимостью обеспечения преемственности, непрерывности исторического развития. Большим плюсом в современном развитии образования является его гуманистическая направленность, а именно предоставление человеку возможности самостоятельно определять свой выбор и реализовывать его, используя разнообразные образовательные формы. Общество не диктует современному человеку образцы для формирования своей личности, а стремится предоставить ему максимально широкие возможности для самореализации.

Вместе с тем существуют неформальные рамки самореализации, связанные с общественным статусом носителей того или иного образовательного стандарта, но это уже относится к сфере саморегуляции общества. Другое дело — формальная регуляция, существующая благодаря системе среднего общего и высшего специального образования как одному из важнейших средств формирования интегрального интеллекта гражданской нации.

В Великобритании система частного элитного образования остается неизменной и незыблемой, ее не касаются образовательные реформы в системе public school. Также и в США кузницы управленческой элиты страны, такие как Гарвард и Принстон, остаются над критикой в периоды

реформирования. В Германии федеральные земли полномочно принимают решения о сохранении академического образовательного стиля, оформляя таким образом свой суверенитет по отношению к общеевропейскому болонскому стандарту образования.

Российский академик В.И. Арнольд сообщал в 2000 г. о попытке оказать содействие представителям фирмы «Боинг», обратившимся к нему с предложением помочь сохранить в России школьное образование, ориентированное на изучение основ фундаментальных наук и формирование навыка думать и решать нетривиальные задачи. Представители из Сиэтла пояснили, что не могли бы поддерживать традиционно высокий технический уровень своих разработок, если бы не использовали подготовленных лучше американцев иностранцев: японцев, китайцев и русских, — которых воспитывает традиционная школа. Но они опасаются, что американизация обучения вскоре ликвидирует и этот источник кадров, и хотели бы помочь сохранить в России традиционное школьное образование. Академик сетует на то, что его попытки не увенчались успехом [1]. Парадоксальность реформы школьного образования в России заключается в том, что на деле его стандартизация, связанная с интеграцией в общемировое разделение труда (Болонский процесс), очень напоминает стремление умалить собственный национальный суверенитет, ослабить национальную интеллектуальную безопасность.

Для развитых стран постиндустриального типа разделение труда на интеллектуальный (производство инновационных технологий) и физический (сборочная мастерская) делает излишним содержание на своей территории институтов воспроизводства человека, необходимых для стран индустриального типа, так как индустрия вытеснена на периферию — в страны, поставленные в зависимое положение от «золотого миллиарда».

Статус России в международной системе разделения труда весьма специфичен: помимо сырьевого назначения нашей страны другие возможные преимущества национального хозяйства не развиты; гражданская индустрия в основном неконкурентоспособна, а интеллектуальный, высокотехнологичный продукт, востребованный на международном рынке, сосредоточен лишь в военно-космической отрасли. Отсюда логически следует, что технологические приложения достаточно развитой в России фундаментальной науки имеют одностороннюю направленность, обуславливая невостребованность научных достижений там, где советское технико-технологическое наследие оставляет желать лучшего.

Ресурсное преимущество России в мире, определяющее экспортную направленность задействия «природных кладовых» как вектор ее традиционной политики, формирует определенный «климат», благоприятствующий развитию такой системы образования, которая создает слой образованных людей, работающих в первую очередь на обслуживание ресурсных потоков. Соответственно и воспроизводство научных кадров для национального хозяйства оказывается финансово-оправданным только в той мере, в которой оно обеспечивает научные разработки, ориентированные на их приложение в сырьевой сфере экономики. Вложения в подготовку научных кадров по иным прогрессивным научно-техническим специальностям, в силу их слабой востребованности национальным хозяйством, оказываются потерянными путем так называемой «утечки мозгов», что и происходит в настоящее время.

Изменить ситуацию с развитием науки в нашей стране путем корректировки финансовой политики в системе образования представляется малоэффективным. В мировой практике давно апробированы методы сопряжения научной и предпринимательской деятельности, но достаточно эффективно действуют они только в рамках такой системы капиталистического производства, для которой характерна диспропорциональная взаимозависимость стран высшего постиндустриального и низшего индустриального уровней. Интегрироваться в эту систему можно либо путем выхода на высший уровень — в ряд стран, эксплуатирующих человеческие и природные ресурсы периферии, либо путем ухода в саму индустриальную периферию. Третий путь — это путь формирования национального хозяйства с высоким уровнем автаркии, что по своему масштабу будет вполне сопоставимо с индустриализацией СССР в 20—30 гг. XX в.

Нерешенные проблемы в образовании становятся причиной отставания страны в научно-техническом развитии и создают угрозу необратимости этих негативных процессов. В этих условиях становится невозможным держать фронт научных открытий и достижений на соответствующих государственным амбициям рубежах.

В социально ориентированном демократическом государстве доступ граждан к образовательным услугам должен быть абсолютно равным независимо от места проживания людей. В этом отношении г. Волгоград может рассматриваться как среднестатистическая единица по условиям и возможностям оказания образовательных услуг на уровне муниципалитета. Так, в 2009 году сдали обязательные предметы, т.е. преодолели порог государственной аттестации, свыше 95 % выпускников волгоградских школ, что отражает средние показатели результативности работы образовательных учреждений по стране в целом. Подводя итоги 2008—2009 учебного года, Президент России Д.А. Медведев отметил, что 70 % выпускников и их родителей считают ЕГЭ оправданной формой итоговой аттестации выпускников и поступления в высшие учебные заведения страны.

Расширение доступности высшего образования — одна из основных целей ЕГЭ, и опыт первого года ярко высвечивает плюсы и минусы его внедрения. Так, в сентябре 2009 года руководитель следственного управления при прокуратуре Волгоградской области М. Музраев обратил внимание средних образовательных учреждений на факты суицида подростков по причине низкого результата ЕГЭ и необходимость привлечения психологов для работы с выпускниками школ. Очевидно, что это трагическое следствие реформы должно послужить стимулом к еще более пристальному анализу ЕГЭ на предмет расширения доступа детей к высшему образованию, а не сужения их образовательных перспектив.

В самом деле, в период кампании 2009 г. впервые абитуриенты имели возможность поступать в вузы без вступительных экзаменов по результатам ЕГЭ, причем одновременно в несколько учебных заведений. Как отметил заместитель министра образования и науки РФ И.И. Калина, более чем в 10 вузов стремились поступить лишь отдельные абитуриенты. Кроме того, среди абитуриентов значительно преобладали лица, имеющие ограниченные возможности, и победители олимпиад. Таким образом, для свободного конкурса оставалось меньше мест, чем прежде.

В связи с тем, что абитуриенты в текущем году подавали документы в большое количество вузов, проходные баллы первоначально сформировались на высоком уровне — в среднем 221 по итогам трех предметов. Это привело к уходу значительной части абитуриентов, первоначально не рекомендованных к зачислению. Однако постепенно проходной балл снижался сначала до 210, затем до 207 пунктов. В итоге в большинстве вузов РФ проходной балл опустился до достаточно низкого значения, достигнув 175 пунктов. Таким образом, очевидно, что схема, прописанная порядком приема, имеет определенные недостатки, поглощая, прежде всего, те материальные ресурсы, недостаток которых толкает федеральную власть на сокращение государственных затрат в сфере высшего образования.

Так, в сентябре 2009 г. в целях оптимизации высшего профессионального образования объявлено о том, что в 2009—2010 гг. будут закрыты 200 филиалов вузов, подведомственных федеральному агентству по образованию, с числом студентов менее 500 человек. Как отмечается в соответствующем документе, многие из них превратились в своеобразные пункты выдачи дипломов, а их выпускники не востребованы на рынке труда. При этом сокращение числа филиалов вузов будет происходить прежде всего за счет тех из них, которые не располагают условиями для качественной подготовки кадров или дублируют профили подготовки. Активизировать эту работу заставил экономический кризис, усугубленный нарастанием демографических проблем и резким обострением конкуренции на рынке высшего профессионального образования [2]. Таким образом, мы видим, что Федеральная служба по надзору в сфере образования и Федеральное агентство по образованию проявляют внимание к совершенствованию системы высшего образования в стране в ракурсе сокращения государственных издержек на образование.

Часто можно слышать, в том числе и от людей, имеющих отношение к образованию, что в стране много высших учебных заведений. Возникает закономерный вопрос: много для чего? Если подходить статистически, наверное, их достаточно. В Волгограде, например, более десяти государственных вузов, более двух десятков негосударственных. Кроме того, наш город в полной мере относится к числу научных центров с большим научным потенциалом, где проводятся серьезные исследования в области медицины, металлургии, сельского хозяйства. Для стимулирования научной деятельности администрация Волгоградской области учредила премии и гранты, которые ежегодно вручаются ученым за их научные достижения. Это обстоятельство дает нам основания говорить об изменении принципа государственного финансирования затрат на образовательные цели — от постоянных затрат — к переменным, зависящим от результатов научно-исследовательской деятельности.

Годы так называемого переходного периода резко сократили материально-финансовую базу научных исследований и оплату труда научных работников, подорвали престиж их профессии и, естественно, значительно уменьшили число молодых специалистов, посвятивших себя науке. Отсутствие должного финансирования вызвало отток ученых, особенно молодых, в другие страны. В настоящее время данная ситуация немного выправляется, и все больше талантливых молодых людей после окончания вузов изъявляют желание продолжить образование в аспирантуре и серьезно заниматься научными исследованиями. Однако навыка самостоятельности в научной деятельности

для современного ученого недостаточно. В современных условиях он должен уметь оперировать определенным предпринимательским инструментарием, быть нацеленным на поиск потенциальных потребителей его научных результатов, кооперирование с различными организациями, обладать навыками самопрезентации.

Эти новые требования рыночной среды как к образованному специалисту, так и к исследователю, ставят новые задачи и для совершенствования преподавания, несмотря на то, что абсолютное большинство студентов Волгоградских вузов демонстрирует неплохие остаточные знания при аккредитации учебных заведений. Процесс передачи знаний — многогранное явление, требующее недюжинных способностей, собранности, что сложно демонстрировать современному преподавателю, который в силу объективных причин работает в 3-4 вузах и не может даже при старании в полной мере использовать свой творческий потенциал. Парадокс состоит в том, что студенты в большинстве своем такую практику принимают за норму. Поэтому перед экзаменом или зачетом подчас имеют место подношения, и бороться с этим очень сложно, поскольку делается это нередко по обоюдному согласию.

Дискуссия о первичном значении для развития науки денежного вознаграждения за труд ученого, на наш взгляд, далека от истинного понимания стимулов развития науки. Представим себе, что молодой ученый М.В. Ломоносов думал бы о соизмеримости совершаемых им открытий со своей зарплатой. Вся нелепость такого представления о стимулах очевидна. Научные изыскания ученых должны иметь как теоретическую значимость, так и практическую ценность. К сожалению, это не всегда так, в противном случае не стоял бы столь остро вопрос о внедрении научных достижений в практику, экономическую, техническую и социальную жизнь.

Еще острее вопрос стимулирования развития важнейших для общества специальностей встал в связи с итогами набора в вузы в 2009 г. Говоря о ситуации в целом, необходимо отметить следующее: в 2009 г. для учебных заведений, подведомственных Федеральному агентству по образованию, были установлены контрольные цифры приема в подведомственные вузы за счет средств федерального бюджета: по программе подготовки специалистов и бакалавров в количестве 397,2 тыс. человек, магистров — 30 тыс. К началу учебного года прием студентов на очную форму обучения выполнен на 99,7 %. Однако, по данным Федерального агентства по образованию, 11 вузов не смогли набрать необходимое число студентов на первый курс. Популярностью у абитуриентов пользовались гуманитарное направление подготовки, а также морская техника, сфера обслуживания, торговля, архитектура, строительство, информационная безопасность, геодезия и землеустройство. Вместе с тем, абитуриенты не очень охотно шли на педагогические, металлургические и машиностроительные специальности. В целом по стране прием студентов на внебюджетную форму обучения уменьшился на 23 %. Колледжи и техникумы заполнены абитуриентами на 97,3 %, а учреждения начального профобразования — на 94 % [3].

Анализируя приведенные данные, мы вновь возвращаемся к проблеме интеллектуальной безопасности. Общий или максимально равный подход, принятый в системе ЕГЭ, не решает главную проблему стимулирования наиболее способных студентов — проблему интеллектуальной селекции. Все дело в том,

что система тестирования, практикуемая в рамках ЕГЭ, нацеливает будущих абитуриентов на воспроизведение готового знания в его завершенностязастывшей форме, игнорируя сам процесс его становления, т.е. движение мысли к уже фиксированной, законченной форме знания. А это означает, что сама процедура тестирования нацеливает на работу памяти, призванной воспроизводить отдельные, разрозненные фрагменты знания, которое по своей природе характеризуется целостностью и динамичностью. Работа мысли, противоречивой по своей сути, здесь выносится за скобки и не может быть зафиксирована экзаменатором. А это означает, что неординарные, творчески мыслящие молодые люди могут оказаться в накладе. Поэтому стоит приветствовать инициативу некоторых наиболее престижных российских вузов дополнить тестирование традиционно экзаменационной процедурой. Выше мы уже приводили мнение академика В.И. Арнольда о недопустимости разрушения традиционной системы школьного образования в России. Принцип отрицания здесь явно не подходит: новации должны диалектически сочетаться с преемственностью, проблемность обучения — с должной информационной насыщенностью учебного материала. Механизмы такого синтеза еще предстоит отработать, сейчас же очень важно не допускать перегибов, которые могут иметь деструктивные последствия. Здесь, на наш взгляд, возрастает значение муниципалитетов, которые, поддерживая общие стандарты образования, способны проводить более дифференцированную политику в образовании для одаренных детей, мотивировать их к более высокому уровню знаний.

Сегодня в г. Волгограде делается очень много для реализации приоритетного национального проекта образования и воплощения в жизнь радикальной стратегии «Наша новая школа». В этих целях формируются условия для развития дошкольного и дополнительного образования, апробируются модели сетевого взаимодействия образовательных учреждений в пределах школьных округов, совершенствуется методическая служба, создаются условия для успешной адаптации и закрепления молодых специалистов, обеспечивается методическое сопровождение внедрения современных информационных образовательных технологий, разрабатывается муниципальная целевая программа «Одаренные дети Волгограда».

Национальный проект «Образование» и комплексная модернизация образовательных учреждений позволили значительно укрепить, качественно улучшить материальную базу. За счет средств комплексного проекта модернизации образования в 2008 г. существенно обновлена материальная база образовательных учреждений. Приобретены локальные классы и цифровые мини-типографии в 8 опорных школах на сумму 25196,5 тыс. р., оборудование для лингафонных кабинетов. Всего за 2006—2008 г. в рамках приоритетного национального проекта «Образование» было оснащено 393 предметных кабинета, в том числе за счет средств бюджета Волгограда — 299 кабинетов на сумму свыше 58 млн р.

Только в 2009 г. в рамках комплексного проекта модернизации образования на оснащение ресурсных центров, приобретение многофункциональных цифровых измерительных лабораторий естественно-научного профиля практического междисциплинарного обучения (физика, химия, ботаника, зоология), предметных кабинетов и лабораторного оборудования, на проведение ремонтных работ выделены средства в размере 49,3 млн р.

За счет финансирования регионального и муниципального бюджетов на приобретение оборудования израсходовано более 3 млн р., в том числе на компьютерное оборудование выделено около 2 млн р., интерактивные аппаратные комплексы, медиа-оборудование, учебные кабинеты — 1 млн р., на учебно-лабораторное оборудование около 100 тыс. р.

Систематически пополняется и периодически обновляется учебный фонд школьных библиотек. На начало 2008—2009 учебного года общий фонд школьных библиотек составил более 1 млн экз., учебный фонд составил более 250 экз.

В 2008—2009 учебном году на средства областного и муниципального бюджета было приобретено 73810 экземпляров учебников на общую сумму более 8 млн р.; 24,7 % учащихся обеспечиваются учебниками и другой литературой за счет библиотечного фонда образовательных учреждений [4].

Безусловно, сделанное продвигает наше образование вперед по сравнению с предшествующим десятилетием, но сегодня нужен прорыв. В противном случае научно-техническое отставание, грозящее потерей интеллектуальной безопасности страны, будет консервироваться и дальше.

В ближайшее время, на наш взгляд, необходимо, во-первых, отказаться от сокращения образовательных бюджетов всех уровней; во-вторых, разработать и принять государственные программы «Элементарное обучение» и «Образование через всю жизнь» на базе электронного обучения; в-третьих, создать федеральные образовательные каналы на телевидении; в-четвертых, остановить процесс сокращения сельских малокомплектных школ при переходе на душевой принцип оплаты труда учителя.

Сохранить и приумножить образовательный потенциал страны, обеспечить меры по переходу страны к инновационному типу развития — вот цели, которые сегодня должны быть приоритетными для российской власти в политическом плане, однако они могут быть реализованы в современных условиях только при совмещении образовательных усилий федеральной и муниципальной властей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арнольд В.И. Псевдонаучные и математические эпидемии XX века : доклад на конференции «Бизнес Россия — Франция. Успехи и перспективы» [Электронный ресурс]. М., 2000. (1 файл). URL: <http://www.elibrus.1gb.ru/books/sci/arnold1.zip> (дата обращения 10.09.09).
2. Чернаков А. Операция «Ликвидация» // Известия. 2009. 11 сентября.
3. Леонидов А. Контрольный недобор // Известия. 2009. 21 сентября.
4. Финагин А.А. Основные направления реализации национальной образовательной инициативы «Наша новая школа» в г. Волгограде : доклад на городском совещании руководителей образовательных учреждений и органов, осуществляющих управление в сфере образования (3 сентября 2009 г.). Волгоград : ПринТерра, 2009. С.4—5.

© Буров А.Н., 2009

*Поступила в редакцию
в октябре 2009 г.*

УДК 316:72:378

Г.Е. Игнатов

**СОЦИАЛЬНАЯ УТОПИЯ
КАК МОДЕЛЬ ПРОЕКТНОГО
СОЗНАНИЯ
(в контексте истории
архитектурной, философской
и образовательной
парадигмы)**

Приведен исторический анализ принципов создания, развития и активного использования в научно-образовательном процессе открытых природных и архитектурных пространств древней Эллады: школ-садов академов, гимнасий и лекционных — на примере жизнестроительного проекта «Атлантида». Осуществлена попытка интерпретации перехода от квазитрансляционной модели передачи знаний к коммуникационной модели предметно-ориентированного образования через призму пространства и многовековых комментариев философских диалогов Сократа.

Ключевые слова:

открытые образовательные пространства, тематические сады, мифологические парки, сюжетные оранжереи и минидендрарии, предметно-ориентированные компетенции, топологическая вложенность и поэтапное формирование умственных действий и понятий.

G. Ye. Ignatov

**SOCIAL UTOPIA AS THE MODEL
OF DESIGN CONSCIOUSNESS
(in the historical context
of architectural, philosophical
and educational paradigm)**

The idea of this article is the historic analysis of the principles of creation, development, active using of the open natural

Одна из причин возникновения интереса к вроде бы древней истории — важность познания глубинных принципов территориально-пространственного развития такого понятия, как «университет», в его этимологии и таких номинациях образовательных учреждений, как «академия», «лекцион», «гимназия». Наряду с «садом» и «парком», включая даже «стадион», эти продукты проектной мысли, топологически вложенные в мир дидактических пространств, активно использовались в образовательно-воспитательном процессе Древней Греции.

Как известно, квинтэссенция образования заключается не в том, чтобы преподнести воспитуемому свежий глоссарий в системе прототипического корпуса знаний, а в том, чтобы дать субстанциональную сущность, созидательный смысл формируемой деятельности — ее философскую технологию. Цель — научить его думать, позиционировать себя в современном пространстве и рефлексировать свои позы, жесты, знаки и звуки, то есть операционально, осознанно и продуктивно действовать, говорить, спорить. На основе отечественной концепции деятельностного подхода и западных технологий «особой чувствительности», «телесности» и «вожделенной энергии разума» нами была предложена идея диалого-коммуникативного образования. Она базируется на некой конфигурации концептов, принимаемой за систематическую и нередуцируемую. Каждый концепт, по Ж. Деррида¹, вступает в действие, вернее, акцентируется, в какой-то решающий момент. Эта конфигурация в упрощенной форме и есть модель «проектного сознания».

Вообще-то «проект», слово близкое к устаревшему французскому «прожект» — своего рода утопии и прожектёрству, с другой стороны — четкая траектория забега к достижению продуктивной цели, «дорожная карта» с указателями и разметкой маршрута, контрольными реперами, здравым календарным планом, ресурсами и реальными намерениями. Эта мысль созвучна теории поэтапного формирования действий разума и абстрактных понятий — формирования нели-

¹ В 2004 г. философа не стало. «Всего хуже мы промахнемся, если поспешим с судом. Если дал тебе повод думать, говорить, спорить — прими, благодаря» [1].

and artificial spaces — school-gardens, university campuses such as an Academies, Gymnasiums and Lesions of Hellenistic period using for example an utopia as life creation project Atlantis. We are trying to interpret the transition from the model of education to the communication model of subject-oriented education through the commentaries of space and philosophical Socrat dialogues.

Key words:

open educational spaces, thematical gardens, greenhouses and arboretums, mythological parks, subject-oriented competence, topology, step by step mind-action and concepts creation.

Об авторе:

Игнатов Григорий Евгеньевич — канд. арх., доц., ст. науч. сотрудник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса
8-924-242-99-72
oksana.maslovskaya@vvsu.ru

нейного, а графоподобного. Все это — из Архитектуры мироздания.

Предлагаемая нами образовательная парадигма, построенная на опережающе-коммуникационных принципах самообразования и межличностных диспутах, где *преподаватель* — собеседник и соучастник, задающий векторы развития мысли, направления актуальных исследований, темы научных и творческих презентаций, берет за основу диалоговую систему рассуждений Сократа. К сожалению, великий мыслитель оставил себя только в комментариях Платона. Он мыследействовал, генерировал идеи, позиционировал их и учил это делать других. В живой дискуссии он выступал в роли модератора и не более.

В сократовском пространстве возникает уникальная мотивационная, нерецептурная вопросоответная среда — среда созидания новых компетенций, знаний, умений и навыков. Ораторское искусство, иллюстративность, структурная логичность, убедительность, увлеченность аудитории и многое другое вскрывает интенции не назидательного толка, а свободного ракурса в обсуждаемом дискурсе. Здесь уместно снова сослаться на Ж. Деррида: «Я, будучи некогда учеником Мишеля Фуко, до сих пор храню чувство почтения и признательности. Сознание же ученика, когда он начинает не то чтобы спорить, но просто вести диалог со своим учителем, или, скорее излагать тот непрерываемый и молчаливый диалог, сделавший его учеником, сознание это становится несчастным сознанием. Начиная вести диалог с миром, то есть отвечать, такое сознание уже чувствует себя пойманным на ошибке, подобно ребенку, который, не умея — как по определению, так и по имени² — говорить, по сути и не должен отвечать. А когда, как в нашем случае, диалог рискует быть — напрасно — понятым как оспаривание, ученик знает, что уже в силу самого этого факта он-то и будет оспорен голосом учителя, предшествующим в нем его собственному. Он чувствует себя как опровергнутым, отклоненным или даже обвиняемым: как ученик, он чувствует себя так из-за учителя, который в нем говорит прежде него са-

² L'enfant — ребенок по-французски этимологически отсылает к лат. Infans (ребенок) и, соответственно, Infandus — невыразимому и несказанному (Прим. перев.).

мого, чтобы упрекнуть его в том, что он начал спор, и чтобы отклонить его заранее, развернув и продемонстрировав этот спор перед его глазами; как внутренний учитель, он оспорен учеником, которым он же и является. Это нескончаемое страдание ученика зависит от того, что он еще не знает или скрывает от самого себя, что настоящая жизнь, учитель, всегда, может быть, отсутствует. Итак, нужно разбить стекло или, скорее, зеркало, рефлексию, эту бесконечную спекуляцию ученика об учителе. И начать говорить» [2].

Если обратиться к истории, то риторика была еще до Египта, садов Академа и других гимнасиев древней Эллады. Суть занятий в Академе состояла в трансформации гимнастических моторно-двигательных усилий не только «высасывания из пальца» и впитывания преподавательского монолога, но и пешеходных экскурсий, хороводов и других активных действий в формы мыслительной деятельности, схожих с восточными единоборствами. Учить «думать» опредмеченно, сначала телом и только потом инвертируя вещи в понятия — вот была главная задача Учителя.

Можно перефразировать, что политика в широком смысле — это сконцентрированное в мыслях, действиях и поступках воспитание. Принято считать, что Платон не занимался политикой. Он, как бы оправдываясь, говорил, что «его время ушло — он опоздал». И это правдоподобно, но только до эмиграции из Афин. В зрелом возрасте постоянное чувство близости конца мироустройства и начала нового сформировало у него естественное представление о цикличности катастроф и повторяемости событий, когда «все снова начинается сначала». Постепенно политические интенции переросли в философские поиски справедливости, которым он посвятил главное политическое сочинение — трилогию «Государство».

В этом трактате Платон, используя весь свой гений, разрабатывает проект государственного устройства, отличного от законодательства Афин и основанного на его видении справедливости — «Греческую Сицилию». Проект большой греческой экспансии как физиологический акт интенции метить, то есть этимологически описывать новую территорию, получил имя «Атлантида».³ Платон назвал своего героя Атлантом — не единожды употребленным именем включенного во множество исторических контекстов персонажа. Канонический Атлант — статуя, легендарный герой, держащий на плечах небесный свод⁴. Он широко интерпретирован в скульптуре, живописи, но, пре-

³ «Посейдон, получив в удел остров Атлантиду, населил ее своими детьми. Цари возвели святилища, дворцы, гавани и верфи и привели в порядок всю страну, придав ей следующий вид. Прежде всего они перебросили мосты через водные кольца, окружавшие древнюю метрополию... Дворец они с самого начала выстроили там, где стояло обиталище бога и их предков, провели канал в три плетра (96 м) (здесь и далее выдел. мной — Г. И.) шириной и сто футов глубиной, а в длину на пятьдесят стадиев: так они создали доступ с моря в это кольцо, словно в гавань... Остров, на котором стоял дворец, имел пять стадиев в диаметре (966 м); этот остров, а также земляные кольца и мост шириной в плетр (32 м) цари обвели круговыми каменными стенами и на мостах у проходов к морю всюду поставили башни и ворота. Камень белого, черного и красного цвета они добывали в недрах срединного острова... Если некоторые свои постройки они делали простыми, то в других они забавы ради искусно сочетали камни разного цвета, сообщая им естественную прелесть; также и стены вокруг наружного земляного кольца они по всей окружности обделали в медь, нанося металл в расплавленном виде, стену внутреннего вала покрыли литьем из олова, а стену самого акрополя — орихалком, испускавшим огнистое блистание» [3, с. 513].

⁴ По мнению Е.Г. Рабиновича [4], очевидна топологическая связь Атланта с Мировой горой — алломорфом Мировой оси.

жде всего, в антропоморфных формах атлантов и кариатид, несущих перекрытие во многих древнегреческих храмах. Он обитает в садах Гесперид⁵, охранявших за океаном «золотые яблоки», а Платоновский Атлант царствует на одноименном острове. Утопические сады Атлантиды позднее, в комментариях Прокла, приобретут еще большую географическую неопределенность.

По мнению большинства ученых, «Атлантида» — это архетип социальной утопии на все времена, а утопия — это несбыточная идея. Но на наш взгляд, «Атлантида» совсем не утопия, а реальная игра разума, Сократовский театр, конкретный архитектурный «чертеж» со всей «проектной документацией».

Во втором диалоге «Государства» — «Тимее» изложена космологическая теория, дающая обоснование идеального государства как отражения и продолжения идеального Космоса. Его земной «визуализации» посвящен, по словам Платона, третий акт «театральных угощений» — «Критий». Его можно определить как назидательный диалог и архитектурный проект одновременно. Этот проект можно обозначить как главный концепт большинства известных цивилизаций, выраженный в архитектурно-топологической формуле: а) Дом, б) Храм, в) Город. Социальная позиция каждого понятия здесь предельно важна. Для подтверждения *этой гипотезы* обратимся к истории.

В 19 лет в садах Академа юноша Аристокл (Платон) встречается Сократа. За период дружбы Платон нашел в Сократе учителя, идеями которого был увлечен всю жизнь. После ареста и казни учителя за соращение юношей Платон предусмотрительно покинул Афины и был вынужден «скитаться» более 12 лет. В Египте он получил посвящение в геометрию, в Южной Италии изучал труды пифагорейцев, слушал философов Малой Азии. По мнению Л. Мамфорда, его «Атлантида» была утопией, ее могли подсказать зримые иллюстрации: руины монументальных сооружений и древние папирусы, изображавшие слаженный труд униформенных в своей правильности людей [5].

Но автора не устраивал жанр эпоса — двусмысленная метафорика гомеровской мифологии, и Платон, следуя Сократу, предложил новую форму космологического сказания — диалектический диалог, где образ справедливого города-государства цельного как статуя, противопоставлен хаосу потерявшего благопристойность полиса. В справедливом городе общество делится на три сословия: сословие созерцателей-философов — правящей аристократии духа, носителей чистых идей; сословие стражей-воинов и сословие демиургов — земледельцев, купцов и ремесленников. В первом диалоге «Государство» автор излагает принципы социального и градостроительства. Траектория диалога прогрессирует в сторону градоведения и архитектуры. Он предлагает размежевать всю территорию идеального государства на 12 частей, подразделявшихся на земельные наделы — клеры, их насчитывается до 5 тысяч. Причем каждый из клеров состоял бы из двух участков, один из которых с усадьбой находился бы в окрестностях города, тогда как другой — на периферии полиса. Помимо столицы, «Города Золотых Врат», Платон намечал еще 12 спутников, находящихся вокруг земледельческой коммуны. Численность города-сада равнялась 30...40 тыс. жителей, что получалось при добавлении к

⁵ В данном случае описывается Валенсия. В наши дни архитекторы А. Галлуд, К. Кампос и Мигель де Рей, тематически используя интерпретацию мифов о садах Гесперид, воссоздали образный строй и восстановили цитрусовый «парк Гесперид».

землевладельцам членов их семей, а также метеков и лиц без гражданства. Сюда нужно добавить рабов, составляющих не менее трети городского населения полисов. Численность города планировалась неизменной, планировка регулярной, жилые дома одинаковыми. «Лишь некоторые постройки, забавы ради, искусно сочетали камни разного цвета, сообщая им естественную прелесть». Конкретность данного описания есть первое приближение к моделированию города-сада эпохи Элинизма.

Диалогические сады и амфитеатры, беседки, экседры, дендрарии, спортивные, рекреационные и, прежде всего, публично-коммуникативные зоны Древней Греции: галереи и портики, аллеи и скверы — были наполнены беседами и служили образовательным контекстом, так называемой новаторской, «педагогике творчества» Сократа. Уже здесь в садах Академа видны основы современной философии структурализма: «Ученик же из приемника и «контейнера» закладываемых в него идей превращается в их генератора. Его ролевой функцией является «исполнение», а именно ответы на вопросы учителя, правящего всем этим процессом. Но он исполнитель совершенно особого рода. Если он и действует по программе, заданной лидером-руководителем в системе определенных вопросов, то его ответ — не производное эрудиции, а истинное творчество, открытие нового. Это новое не было заранее известно и самому руководителю. Оно открывается ему только благодаря интеллектуальной энергии вовлекаемых в диалог лиц» [6].

В этом собственно и заключается созданная Сократом дидактическая система интеллектуальной майевтики, цель которой — помочь «породить» не производное эрудиции — «банальный корпус компетенций» — возможно, искаженное отражение, а собственное знание — умопостижение, собственно акт мышледействия. Такая активно-коммуникативная форма проведения занятий соответствует современным тенденциям теории формирования умственных действий и понятий.

Поскольку целью написания «Государства» являлось изображение идеального, с точки зрения Платона, чудо-града — совершенного общежития, то патриотическому воспитанию и образованию свободных граждан отводилась вполне определенная роль одного из основных структурообразующих элементов этого полиса. В «каменной летописи истории» это были гимнасии, стадионы и палестры, но в основе их всех лежала формула топологической вложенности семантически разнесенных пространств: Дома, Храма и Города.

Рассматривая гимнасии как образовательные пространства — места для упражнений, Платон говорит, что дает лишь «главные образцы воспитания и обучения», не вдаваясь в детальный разбор дидактических мероприятий. Портики и галереи, открытые амфитеатры и стадионы в его проекте становятся аудиториями, садово-парковые тропы — путеводителями в мир природной гармонии, открытые оранжереи — площадками для творческих экспериментов. В целом педагогическим вопросам Платон отводит почти четверть всего дискурса. Так, в начале уделяется внимание мусическому и физическому искусству на открытом воздухе, далее он подробно рассматривает вопрос отборе детей, пригодных по физическим, умственным и возрастным параметрам для дальнейшего совершенствования. Много места посвящается разбору знаний, необходимых для управления идеальным полисом, и в конце Платон рассматривает, какие виды искусства могут нести воспитательную нагрузку.

Но Идеи Платона — структуры (математические пропорции, прежде всего «золотое сечение», геометрические построения на основе египетского «золотого треугольника»), определяющие жизнь реального мира, усвоить их можно не поверхностным ощущением, а глубинным мыслительным конструированием. И самая высшая идея идей — это добро, некое благо, уравненное с красотой. Это и есть, по Платону, «начало всех начал».

Желая распространить свои воззрения, Платон создает, подобно Сократу, собственную школу, в цветущих садах которой можно было бы обучать своей теории «справедливости и добродетели» молодых юношей. Но осуществляя педагогическую деятельность, он предпринял несколько попыток убедить различных правителей Сиракуз провести свои реформы на острове, чтобы воплотить в жизнь свою утопию о философе на троне и о государстве «за Гибралтаром», управляемом мудрым и справедливым царем. Последняя попытка переустройства Сицилии была предпринята им в 67 лет.⁶ После этой авантюры Платон руководил Академией еще 14 лет.

Занятия науками, ораторским искусством и воспитанием были важным для Афин этого периода делом⁷, а слушатели Академии занимались главным образом геометрией и построенной на пифагорейской космогонии диалектикой Космоса, выводя из нее все остальные науки. Занятия в Академии, подобно сократовским, проходили в основном на свежем воздухе в перистилиях открытых галерей и портиков, которые представляли собой интереснейшие памятники Афин. Мусические занятия нередко проходили в амфитеатрах, где могли выступать ораторы и поэты. Обычно обучающие беседы совершались в форме прогулок по перистилиям цветущих садов.

По словам О.М. Фрейденберг, «перед нами очень ярко выраженное эсхатологическое учение, принявшее политическую форму. Оно позволяет распознать, откуда возникли все эти первоначальные утопии: подобно домостроям и зеркалам, они явились разновидностью позднейшего истолкования древнего образа «города», как «космоса», «дома» как «неба». Но под утопией лежит не один какой-нибудь образ, а целая образная система, которая подвергается у Платона — это само собой разумеется — своеобразному истолкованию. Град божий возникает в результате перерождения миров. Для него характерна внутренняя увязка с периодическими кругооборотами уничтожений и возникновения космоса; возникнув в период царства мировой гармонии, он определяется всеобщим согласием, миром, расцветом правды, избытком» [7].

Касаясь градоустройства, Платон вслед за Сократом, отец которого был скульптор, не смотря на свой скептицизм по отношению к искусству в целом, утверждал: «Не будет процветать государство, если его не начертят художники по божественному образцу... но, взяв, словно доску, государство и нравы людей, они сперва очистили бы их» [3, с. 136]. Устами Крития он уточняет: «Все, что мы говорим, есть в некотором роде подражание и отображение; между тем, если мы рассмотрим работу живописцев над изображением тел бо-

⁶ В последствии давний любимец Платона Дион по его вдохновению на короткий срок захватит власть в Сиракузах и попытается провести какие-то социальные реформы, но его явная политическая бездарность приведет к неудаче.

⁷ В каждом греческом городе была одна или несколько гимнасий. Наиболее известные три афинские гимнасии («места для упражнений»): Академия, Лицейон, где учили Платон и Аристотель, и Криносарг, также в Спарте был Дромос, а в Коринфе — Кранейон.

жественных и человеческих с точки зрения легкости или трудности, с которой можно внушить зрителям видимость полного сходства, мы увидим, что, если дело идет о земле, горах, реках и лесе, а равно и обо всем небосводе со всем сущим на нем и по нему идущим, мы бываем довольны, если живописец способен хоть совсем немного приблизиться к *подобию* этих предметов; и, поскольку мы не можем ничего о них знать с достаточной точностью, мы не проверяем и не изобличаем написанного, но терпим неясную и обманчивую *тенепись*. Напротив, если кто примется изображать наши собственные тела, мы живо чувствуем упущения, всегда бываем очень внимательны к ним и являем собою суровых судей тому, кто не во всем и не вполне достигает *сходства*... Ведь если я верно припомню и перескажу то, что было поведано жрецами и привезено сюда Солоном, я почти буду уверен, что наш театр сочтет меня сносно выполнившим свою задачу» [3, с. 511]. Далее, возвращаясь вперед к прошлому, в циклической интерпретации для достоверности и убедительности, когда трижды меняется источник сообщения (Критий-старший — дядя Платона, Солон — родственник Платона, египетские жрецы, не считая самого Платона-Тимея) при сохранении исторического корпуса как такового, воспроизводится конкретный поучительный рассказ полководца, реформатора и поэта, прапрадеда матери Платона «одного из семи мудрецов» Солона (635—559 гг. до н.э.), где, прославляя прошлое, Критий пророчествует о будущем.

PS. В отличие от Сократа аристократическому Платону кроме «идей», конечно, было «что терять». Он глубоко затаил обиду на Афины, обещая отомстить за долгие годы скитаний. Можно предположить, что социальный проект «Атлантида» — «Греческая Сицилия», использующий многие законодательные положения враждебной Спарты, и есть его ответ Афинам. Но диалог от имени Зевса в конце дискурса об Атлантиде так и остался незавершенным, что заставляет нас до сих пор догадываться о том, что произошло дальше.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Деррида Ж. Позиции. М.: Академический проект, 2007. С. 8.
2. Деррида Ж. Письмо и различие. М.: Академический проект, 2007. С. 56—57.
3. Платон. Государство // Собр. соч.: в 4-х т. Т. 3. М., 1994.
4. Рабинович Е. Г. Атлантида (Контексты платоновского мифа) // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 67—84.
5. Mumford L. Utopia: the City and the Machine // Daedalus. 1965. V. 94, № 1. P. 275.
6. Ярошевский М.Г. История психологии. Изд. 3-е. Мысль, 1985. 575 с. С. 75.
7. Фрейдберг О.М. Утопия // Вопросы философии. 1990. № 5. С. 150.

© Игнатов Г.Е., 2009

Поступила в редакцию
в октябре 2009 г.

УДК 728:721.011.17 (47-13)

В.М. Молчанов

СОЦИАЛЬНО- ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ГОРОДСКОГО ЖИЛИЩА ДЛЯ ЮГА РОССИИ

Рассмотрены теоретические и практические аспекты социально-функционального моделирования как инструмента перевода социальной информации в пространственную. Выявлено назначение социально-функционального моделирования в различных сферах жилищной архитектуры, определены предпочтения населения городов юга России к архитектурной организации квартиры, дома и обслуживания, а также направления внедрения социальной информации в процесс архитектурного проектирования.

Ключевые слова:
социально-функциональное моделирование, городское жилище, юг России.

V.M. Molchanov

SOCIO-FUNCTIONAL MODELING OF TOWN DWELLING FOR SOUTH RUSSIA

The article deals with the theoretical and practical aspects of socio-functional modeling as instrument of translation social information into space information. The paper reveals function of socio-functional modeling in different fields of housing architecture. The paper defines preferences of South Russia cities population on architectural organization of flats, houses, services and direction of adoption social information in architectural design too.

Key words:
socio-functional modeling,
town dwelling, South Russia.

***Об авторе:**
Молчанов*

*Виктор Михайлович —
канд. архит., проф., зав. кафедрой
архитектуры жилых
и общественных зданий
Института архитектуры и искусств
Южного федерального университета
vitmolchanov@yandex.ru,*

Социально-функциональное моделирование жилища представляет собой эффективный способ перевода социальных характеристик и параметров в пространственные, позволяющий целенаправленно обосновывать новые социально-пространственные модели городского жилища. Роль и значение социально-функционального моделирования возрастает в условиях перехода на рыночную систему организации жилища в городе и формирования новой архитектурной типологии жилища.

Социально-функциональное моделирование как способ формирования проектной модели в форме социально-профессиональной модели жилища на основе переработки социально-потребительской и социально-нормативной моделей жилища продуктивен во всех социальных сферах архитектурного формирования жилища, а именно: социальной, коммерческой массовой и коммерческой уникальной, демократической, а также экспериментальной.

Очевидно, что в каждой социальной сфере роль социально-функционального моделирования в процессе архитектурного проектирования меняется. Так, в социальной архитектуре жилища социально-функциональное моделирование является основным методом формообразования, используя в основном демографические, количественные характеристики жителей. В коммерческой массовой жилищной архитектуре социально-функциональное моделирование служит инструментом обоснования и дифференциации жилищных форм и структур на базе качественных характеристик потребителей. В коммерческой уникальной жилищной архитектуре социально-функциональное моделирование дополняет представления и социально-культурные модели заказчика, являясь одним из средств пространственной реализации авторской концепции жилища. В демократической архитектуре соучастия социально-функциональное моделирование отражает средовые характеристики жилого пространства и его функции. В экспериментальной архитектуре социально-функциональное моделирование оперирует социальными функциями, исходя из целей жилищного эксперимента.

Сегодняшняя ситуация в проектировании и строительстве квартир­ного жилища на юге России

характеризуется значительным расхождением представлений архитекторов и населения о городском жилище. Профессиональная модель жилища существенно отличается от потребительской, во многом не соответствует реальным потребностям и возможностям людей, желающих приобрести жилье. Поэтому из-за своей дороговизны и отсутствия социальной адресности оно, как правило, в больших объемах остается невостребованным. В процессе выбора типа жилого дома и функциональной схемы квартиры архитекторы и коммерческие застройщики не всегда учитывают потребности и пожелания будущих жильцов, специфику их образа жизни и предпочтения. На стадии проектирования многоквартирных жилых домов потребительская модель не используется, после покупки квартиры следует ее приспособление к нуждам жителей и перепланировка. Одной из причин сложившегося положения является отсутствие статистически достоверной социальной информации о структуре клиентских групп и их предпочтениях. В процессе архитектурного проектирования не используются в полной мере данные маркетинговых исследований и опросов, выявляющих потребности и предпочтения потенциальных покупателей.

Исследования социально-функциональных процессов формирования жилища южнороссийского региона, касающиеся архитектурно-планировочной и функциональной организации жилой ячейки, дома и жилой застройки активно проводятся на кафедре архитектуры жилых и общественных зданий ИАрХИ ЮФУ под научным руководством проф. В.М. Молчанова).

Ежегодные опросы нуклеарных городских семей (родители и 1-2 ребенка) по месту жительства на основе двухступенчатой выборки с целью выявления архитектурных предпочтений семей горожан раскрывают реальные потребности и идеальные представления о жилище, которые корректируются каждой семьей при покупке в соответствии с ее материальным положением. Так, анализ архитектурных предпочтений 320 семей (1999—2001 гг.), проживающих в квартирном жилище Ростова-на-Дону, позволяет сделать некоторые выводы относительно типа и функционально-планировочной структуры предпочитаемого жилища.

Наиболее предпочтительным жилищем ростовчане считают односемейный отдельно стоящий жилой дом. Желаящих жить в односемейном доме в 22 раза больше, чем в многоквартирном секционном доме. Жилой дом на участке, по мнению ростовчан, является самым лучшим типом жилища. Поэтому рынок индивидуального домостроительства имеет большой потенциал. Практически все горожане оценивают городскую квартиру с позиций ее соответствия потребительским качествам односемейного жилого дома. Самым популярным видом собственности является частное владение домом.

Региональная особенность южного жилища — максимальное развитие летних помещений. Почти у половины респондентов (41 %) прослеживается ярко выраженная потребность в общении с природой в жилище. Приквартирный участок хотели бы иметь 73 % семей. Основное назначение участка — общение с природой, отдых и цветоводство.

Выявлено требование к планировке входного узла, отрицающее традиционную прихожую в квартире. Наиболее удобным входом в квартиру опрошиваемые считают вход через тамбур в гостиную и далее в общую комнату (60 % опрошиваемых).

Установлена устойчивая необходимость создания условий для творческого труда в жилище. Специальное помещение в квартире для профессиональных занятий, связанное с прихожей, общей комнатой или летним помещением, хотели бы иметь 70 % респондентов. Для любительских занятий предпочтительно иметь постоянную либо временную (трансформируемую) функциональную зону, расположенную в летнем помещении, на участке, в общей комнате или спальне (72 % опрошенных). Мастерскую для любительских занятий хотели бы иметь 26 % семей.

Размещение зоны приема пищи желательно в кухне-столовой-гостиной, которая является местом приема гостей и общесемейного отдыха. Это качественно меняет профессиональные стереотипы в представлениях о кухне в современной квартире.

Более половины опрошиваемых хотели бы иметь три спальные комнаты, расположенные в глубине квартиры (88 % респондентов). Это позволит разместить родителей и двух детей в отдельных жилых комнатах. Желательна связь спален с ванными комнатами. Важна хорошая связь спален с внешним пространством и зрительная изоляция окон спален.

Таким образом, новая модель городского квартирного жилища в условиях юга России должна максимально включать в себя потребительские качества односемейного жилого дома. Выявлены направления совершенствования квартирного жилища для семей с детьми: входной узел на основе тамбура и гостиной, зона питания как центр общения и отдыха, приквартирный участок для рекреационных целей, помещение для творческих занятий (увлечений или работы), и изолированное расселение членов семьи в спальнях, расположенных в глубине квартиры.

Аналитическая обработка данных опросов по анкете «Архитектурные предпочтения горожан» в Ростовской области и южнороссийском регионе в 1992—2008 гг. позволила выявить некоторые закономерности социально-пространственной организации городского жилища на юге России.

По результатам опросов городского населения региона (Ростовская область, Ставропольский и Краснодарский края) предпочтения горожан по организации жилых помещений в жилой ячейке распределились следующим образом. Большинство ответивших горожан предпочитают вход в жилую ячейку через тамбур в гостиную и далее — в общую комнату (39 %), также многие респонденты (30 %) отметили вход через тамбур в общую комнату. Это в свою очередь определяет функционально-планировочные взаимосвязи помещений в жилой ячейке, так как входной узел является организующим каркасом квартиры и делит ее на две функциональные зоны: личную и общесемейную.

Подавляющее большинство ответивших считают необходимым располагать в глубине квартиры спальные комнаты (62,3 %), которые в первую очередь были бы связаны с ванной комнатой (44,5 %). Жители региона предпочитают иметь в своей жилой ячейке отдельное помещение для профессиональных занятий (50 %), просторную кухню с местом для приема пищи для данной семьи (29,8 %), хотя также значимы отдельное помещение (столовая) для приема пищи (23,1 %) и кухня-столовая-гостиная (20,1 %). Необходимо отметить, что подавляющее большинство респондентов считают, что спальни должны также быть удобны для занятий. Такая тенденция сохраняется для спален взрослых и детей.

В основном семьи хотели бы располагать лоджию или террасу при кухне (54,4 %) или при общей комнате (30,4 %). При этом ее средняя площадь должна быть в пределах от 4 до 8 м². Большинство жителей региона хотели бы иметь приквартирный участок при кухне в соответствующих типах застройки (необходим — 79,0 %, желателен — 15,0 %). При этом приквартирный участок многие из горожан использовали бы для разведения цветов либо для отдыха. Подавляющее большинство семей предпочитают иметь в структуре квартиры кладовые помещения для хранения сезонных запасов продуктов, помещение для хранения верхней одежды, оборудования и предметов для любительского труда. Площадь подсобных помещений изменяется от 4 до 8 м². Многие опрошенные отмечают необходимость устройства в жилище комплекса спортивных тренажеров, а при группе домов универсальной площадки для спортивных игр.

Сравнивая предпочтения горожан южнороссийского региона и Ростовской области по формированию структуры жилой ячейки (элементов квартиры и функциональных взаимосвязей), можно отметить сходство признаков. Отличия касаются лишь меры схождения. Общими как для жителей южнороссийского региона, так и для Ростовской области являются все вопросы организации жилища, по которым проводилось исследование, так как отличий в ответах на эти вопросы практически не было обнаружено. Общими вопросами являются размещение спальных комнат в квартире и их связь с другими помещениями, устройство входной зоны и типа кухни, условия для профессиональной деятельности, расположение и вид летних помещений в квартире, а также тип дома и вид собственности на жилье.

На основе анализа результатов обследования в 9 городах региона выявлены типичные виды архитектурно-планировочных решений семейной жилой ячейки; определены предпочтения городских семей по архитектурной организации жилой ячейки, жилого дома и открытых пространств. Полученные результаты могут быть использованы при планировании и прогнозировании жилищного строительства, в проектной практике и в учебно-методической работе, а также при разработке проектов жилых зданий различных форм собственности в городах юга России.

В *крупнейших городах*: Ростове-на-Дону, Краснодаре, Ставрополе — предпочтения семей у интеллигенции, ИТР, а также рабочих высококвалифицированного труда и работников стереотипного умственного труда выявляют заселение квартиры по формуле $K=N(N+1)$.

Квартира для семьи из 4 человек состоит из 4 (5) жилых комнат: общей комнаты и трех спален. В качестве дополнительного помещения рассматривается кабинет. К подсобным помещениям относятся кухня-столовая, кладовые, прихожая, коридор, санузел. Квартира должна иметь открытые помещения: балкон (лоджию) при кухне и при спальне родителей, а также приквартирный участок для общения с природой, тихого отдыха и игр детей.

Исключительное значение респонденты уделяют изоляции окон спален (зрительной, акустической) от соседей и улицы и, напротив, их ориентации на природное зеленое окружение.

Семьи крупнейших городов юга России тратили бы на приобретение жилья 10...20 % семейного дохода. Квартира должна быть расположена в индивидуальном жилом доме, возможно ее размещение в блокированном жилище, и очень редко в квартирном доме.

Важнейшими компонентами жилой среды являются придомовые помещения для физической культуры и общения, творчества детей, а также водоем или бассейн для плавания, универсальная спортплощадка и пешеходная дорожка.

В *больших и средних городах*: Шахтах, Тихорецке и Пятигорске — более комфортную формулу заселения $K=N+3(N)$ выявило обследование предпочтений городских семей из тех же категорий городского населения. Так, дом для семьи из 4 человек должен состоять из 7 (4) жилых комнат: гостиной, общей комнаты, столовой, кабинета и трех спален. К подсобным помещениям относятся рабочая кухня, кладовые для продуктов, одежды, предметов досуга и труда, коридор, санузел. Квартира должна иметь открытые помещения: балкон (лоджию) при кухне и при общей комнате, а также приквартирный участок для общения с природой и игр детей.

Для жителей больших и средних городов так же, как и крупнейших исключительное значение имеет изоляция окон спален (зрительная, акустическая) от соседей и улицы и их ориентация на природное зеленое окружение.

Семьи больших и средних городов юга России тратили бы на приобретение жилья 10...20 % семейного дохода. Квартира должна быть расположена в индивидуальном частном жилом доме, возможно ее размещение в блокированном жилом доме на совместных формах владения, и очень редко в квартирном доме в государственном жилищном фонде.

Как и в крупнейших городах, важнейшими компонентами жилой среды являются придомовые помещения для физической культуры и общения, творчества детей, а также водоем или бассейн для плавания, универсальная спортплощадка и пешеходная дорожка. Население больших и средних городов считает, что в структуре жилого дома должны находиться кладовые для продуктов и предметов досуга.

В *малых городах*: Красном Сулине, Геленджике и Светлограде — семьи тех же категорий населения предпочитают расселение по такой же формуле заселения, как и жители больших городов.

Дом для семьи из 4 человек состоит из 7 (4) жилых комнат: гостиной, общей комнаты, столовой, кабинета и четырех спален. К подсобным помещениям относятся кухня-столовая, кладовые для продуктов, одежды, предметов досуга и труда, коридор, санузел. Квартира должна иметь открытые помещения: балкон (лоджию) при кухне, при общей комнате и при спальне родителей, а также приквартирный участок для общения с природой и игр детей и тихого отдыха.

Семьи малых городов юга России, как и больших и средних, тратили бы на приобретение жилья 10...20 % семейного дохода. Квартира должна быть расположена в индивидуальном частном жилом доме, возможно ее размещение в блокированном жилом доме на совместных формах владения, и очень редко в квартирном доме в государственном жилищном фонде.

Важнейшими компонентами жилой среды являются придомовые помещения для физической культуры и общения, творчества детей, а также водоем или бассейн для плавания, универсальная спортплощадка. В структуре жилого дома должны находиться кладовые для продуктов и предметов досуга.

Для разработки и внедрения современной типологии жилища в городах юга России необходимо знать предпочтения различных типов семей по архи-

тектурно-планировочной структуре жилища. Это особенно важно для городских поселений, где строительство квартирному жилью чаще всего осуществляется для неизвестного на стадии проектирования потребителя. Для создания социально и экономически обоснованного коммерческого жилища необходимо знать образ жизни, виды жизнедеятельности семей и их требования к жилищу. В муниципальном жилище необходимо разрабатывать и внедрять социально адресные программы жилищного строительства.

В условиях рыночной экономики формирование жилища с учетом потребностей и возможностей населения на основе социально-функционального моделирования значительно повышает коммерческую и социальную эффективность проекта. Потребности определяют потребительскую модель жилища, экономические возможности — форму ее реализации в условиях рыночной и социальной подсистем жилищной сферы. В жилищном рынке исследуются отдельные его сегменты, в качестве которых выступают определенные типы семей. Учет требований семей в зависимости от их рода занятий (профессиональной принадлежности), разного социального положения в обществе, помимо демографических характеристик, позволит произвести типологизацию жилых ячеек, видов обслуживания, типов жилой застройки и выявить объемы и виды жилищного строительства. Демографические признаки, которые были основными при формировании жилища в централизованной экономике, отходят на второй план, не находя столь явного применения в организации жилого пространства в коммерческой жилищной архитектуре, оставаясь актуальными лишь в социальной сфере.

© Молчанов В.М., 2009

*Поступила в редакцию
в октябре 2009 г.*

УДК 72.067

М.П. Назарова
**ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ПОТЕНЦИАЛ ПАМЯТНИКОВ
ГОРОДСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ**

Являясь важным компонентом смыслового поля культуры архитектурный объект рассматривается как ценностный феномен, выполняющий роль транслятора социально-значимых ценностей.

Ключевые слова:
архитектурный объект, социально-значимая информация, архитектурные памятники.

М.Р. Nazarova
**INFORMATIONAL POTENTIALITY
OF CITY'S ARCHITECTURAL
MONUMENTS**

Within the framework of this article an architectural object is examined as the valued phenomenon, executing the role of translator of socially-meaningful information. Architectural objects are the important component of the semantic field of culture and are the generalized socially-meaningful information.

Key words:
architectural object,
socially-meaningful information,
architectural monuments.

Об авторе:

Назарова Марина Петровна —
доц. кафедры философии,
социологии и психологии ВолгАСУ,
8-8442-96-99-25, postmaster@vgasu.ru

Начало нового тысячелетия высветили особый интерес исследователей самого разного профиля: от теоретиков архитектуры до социологов и философов культуры — к проблеме формирования архитектурного облика современных городов. Процессы глобализации, которые затрагивают все сферы человеческого существования, в сочетании с экономическими, технологическими и политическими факторами обострили дискуссию о социальной ценности и сохранении разнообразия архитектурных объектов и градостроительных комплексов.

Очевидно, что в прямой зависимости от понимания этого вопроса находятся взгляды на то, что собой представляет архитектурный памятник, что считать ценным, а что незначительным в уже сложившейся архитектурной среде, в чем социальная значимость архитектурного объекта и его роль в организации градостроительного пространства.

В рамках данной работы мы попытаемся рассмотреть городской архитектурный памятник как социальный феномен, выполняющий роль транслятора социально-значимых ценностей.

Понятие «памятник» в современном гуманитарном знании достаточно распространено, но не имеет терминологического единства. Для этого необходим анализ как можно большего числа источников, поскольку любой из них представляет собой «текст» — сообщение, выраженное средствами какой-либо знаковой системы [1].

По нашему мнению, слово «памятник» удачно подчеркивает ориентированность на информацию о прошлом, на связь с памятью, здесь наглядно выступает массовость, значительность рядового материала, которую привлек с собой этот термин. Понятие «памятник прошлого» включает в себя наравне с материальной основой духовную сферу, в которой преломляются стереотипы массового сознания общества, его устремления, идеология, поведенческая мотивация больших групп общества. С гибелью отдельного общества происходит изменение содержания основных стереотипов поведения и сознания.

С точки зрения П.В. Боярского, памятник истории и культуры представляет собой «совокупность материальных объектов и памятных мест, составляющих условно-непрерывный ряд,

отражающий все стороны исторического развития человеческого общества» [2]. Д.С. Лихачев определяет памятник как своеобразно закодированный «документ своей эпохи» [3] или как «носитель специфической ценности, свидетель культуры и искусства прошлого» [4], И.М. Гревс относил к памятникам « всю совокупность объектов мира природы и мира человека » [5]. Все вышеприведенные трактовки понятия «памятник» рассматривают его как вспомогательный термин и не пытаются выявить его особенности как самостоятельного явления, поскольку данная проблема была приоритетной для эмпирических наук, которые в силу своих особенностей не могут дать полноты картины.

Общепризнанно, что основным элементом культурного наследия, который можно четко вычленировать и структурировать, является архитектурный памятник. Именно он является связующим звеном между цивилизациями, общественными структурами и непосредственно поколениями людей. Памятники архитектуры оказывают влияние на формирование социальной среды и общественных ценностей. Архитектурные объекты всегда использовались как ключевой элемент всех ранее созданных и создаваемых идеологических систем, поскольку именно они демонстрировали неизбежность и несокрушимость провозглашаемых социально-значимых ценностей. Они выступают своего рода символическими ориентирами эпохи.

В Германии начала XX в. сочетание имперских традиций и национализма породило монументальный, патетический «стиль Заратустры», олицетворением которого стал входной зал павильона Германии на международной выставке в Турине (1902 г.). Архитектора Беренса увлекли ницшеанская концепция культуры и идея стиля как символа жизнеощущения эпохи, проявляющегося во взаимодействии искусств. Сам автор писал об иллюзии, которая должна не просто казаться иной действительностью, но возвышаться над сущим [6].

В гуманитарном знании мы имеем традицию рассматривать памятник как некий ценный сам по себе материальный объект (материально-фиксированный), вырванный из контекста культуры, и тем самым при рассмотрении вне комплекса дающий искаженную информацию. Такими объектами достаточно легко манипулировать при создании политических мифов, под которыми понимается некое концептуально неоформленное информационное сообщение, содержание которого постоянно меняется. Тогда как общество должно быть ориентировано не на использование памятника в виде лозунговых символов, а на попытку актуализировать прошлое в интересах настоящего, «старое» в интересах «нового». В практике нашей государственной системы реальную ценность архитектурного наследия определяет его реальный пользователь: одни объекты могут реставрироваться и быть общеизвестными (разрекламированными), другие - разрушаться независимо от общепризнанной культурной ценности, и само место комплекса в иерархии культурного пространства территории устанавливается локальной практикой управления.

Архитектурный памятник является продуктом визуального мышления и представляет собой обобщенную социально-значимую информацию, которую воспринимает и усваивает социальный субъект. Причем эмоционально окрашенная ценностная информация оказывает опосредованное давление на социальный субъект.

Но нельзя говорить о памятнике как о фиксированной данности. Каждая культура определяет свою парадигму того, что следует помнить и что подлежит забвению [7]. Иерархия ценностей так или иначе связана со структурными взаимозависимостями человеческого сообщества. И когда эти структурные связи нарушаются, меняется система культурных ценностей и меняется парадигма памяти-забвения.

С гибелью отдельного общества происходит изменение содержания основных стереотипов поведения и сознания. Имеет ли смысл восстановление ранее разрушенных памятников? Данный вопрос для современной России более чем актуален. По мнению А. Дж. Тойнби, если цивилизация идет по пути не созидания, а воссоздания ранее утраченного, то это тупиковый вариант развития. «Если сравнить Афины после войны с персами и Францию после первой мировой войны, то каждая из них шла своим путем. Французы, например, восстанавливали разрушенный Реймский собор, они тщательно реставрировали каждый кирпичик, каждую расколотую статую. Афиняне же, обнаружив, что Гекатомпедон сожжен до основания, оставили развалины нетронутыми, а на новом месте сотворили Парфенон» [8, с. 137].

Для города Волгограда, который в период Великой Отечественной войны фактически был разрушен, проблема воссоздания ранее утраченной архитектурной среды является особенно актуальной. Так, мы имеем церковь Иоанна Предтечи (памятник XVII в.), которая была воссоздана в конце 90-х гг. XX в. Когда-то это был первый каменный царицынский храм, именно поэтому и было принято решение о его воссоздании. В определенной социальной группе возникла потребность в возрождении христианских ценностей, которые могли бы заполнить вакуум, образовавшийся в результате ломки социалистической идеологии. В процессе строительства интересы данной группы совпали с интересами власти, что и позволило закончить строительство.

Другой пример реставрации разрушенного памятника — воссоздание I Пожарной части города Царицына. Ремонтно-восстановительные работы самого здания были связаны с восстановлением известной только по архивным источникам каланчи.

Ностальгия по хронологическому пласту дореволюционного периода — практически полностью утраченной застройки г. Царицына в виду того, что планировка города полностью изменилась после Великой Отечественной войны, подталкивает архитекторов на создание «новоделов», примером чему может служить воссоздание здания царицынской архитектуры на фундаментах утраченной торговой лавки по ул. Академической. Воссоздание давно не существующего памятника является востребованной необходимостью и восстановлением ранее разрушенной духовной преемственности поколений, или это памятник нашей несостоятельности и неспособности создать что-то новое?

Нельзя забывать, что памятник транслятор ценностей конкретного общества, то есть определенного социального субъекта. Поэтому любой сохранившейся архитектурный объект не является памятником, для того чтобы им стать, он должен стать эмоционально привлекательным и ценностно-значимым для субъекта его воспринимающего, «включенным» в жизненную среду субъекта.

Архитектурные памятники, как правило, не вступают в противоречие с эмоциональным настроем горожан, они ассоциируются со стабильностью и

преемственностью, чему способствует используемая в архитектуре художественная символика, формирующая у населения устойчивые гештальты в восприятии города, хорошо узнаваемые визуальные образы.

На наш взгляд, следует обратить внимание на памятник как на информационный потенциал. Как писал А. Дж. Тойнби «с научной точки зрения может оказаться чистой случайностью то обстоятельство, что материальные орудия, созданные человеком, обладают большей способностью выживания, чем творения человеческой души — общественные институты, чувства, идеи. Действительно, если этот ментальный аппарат задействован, он играет куда более важную роль для человека, чем материальная сфера жизни. Однако в силу того, что памятники материальной культуры сохраняются, а ментальный аппарат исчезает, значит, остается реконструировать второе через первое» [8, с. 225].

Но информация, заложенная в памятниках, как правило, находится в «сжатом» виде, при необходимости мы можем ее восстановить. Но следует оговориться, что в «сжатом» виде могут храниться только социально-значимые ценности, иначе они не подлежат дешифровке последующих поколений. То есть существуют определенные базовые ценности, которые передаются из поколения в поколение, а есть те, которые имеют смысл только на определенном этапе социального развития и адекватны конкретным социальным процессам.

Когда мы рассматриваем памятник, в отличие от, например, исторического факта или документа, достоверность не является главным критерием оценки, а на первый план выступают эмоциональные и эстетические оценки, которые побуждают или к определенным действиям, или к ответным эмоциям. Так, на наш взгляд, существует взаимовлияние между эмоционально-эстетической насыщенностью памятника и его долголетием.

Таким образом, объекты архитектурного пространства не нейтральны, они несут в себе смыслы, которые воспринимаются той или иной эпохой как более или менее ценностно-значимые, и трактовка их меняется под воздействием социокультурных изменений. В более позднем обществе данный объект может интерпретироваться иначе, причем таких информационных напластований, в которых преломляются уже реалии другой исторической эпохи, может быть несколько. «Ясно, что полученная информация представляет собой известное обеднение того несметного количества возможностей выбора, которым характеризовался источник до того, как выбор осуществился и сформировалось сообщение» [9].

Следует признать, что отношение к памятникам формирует общество и интерпретация информации, заложенной в памятнике, зависит от общественных предпочтений. В зависимости от политических пристрастий «вычленяются» архитектурные объекты, выступая ценностными ориентирами идеологической модели общества. Отношение к памятникам, таким образом, зависит от социального заказа, который приписывает памятникам смыслы, первоначально в них не заложенные.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М., 1970. С. 11.
2. Боярский П.В. Введение в памятниковедение. М. : НИИК, 1990. С.41.

3. Лихачев Д.С. Предисловие // Восстановление памятников культуры (проблемы реставрации). М. : Искусство, 1981. С. 9.
4. Реставрация памятников архитектуры / С.С. Подъяпольский, Г.Б. Бессонов, А.А. Беляев, Т.М. Постникова. М. : Строиздат, 1988. С. 7.
5. Гревс И.М. Памятники культуры и современность // Краеведение. 1929. № 6. С.315.
6. Беренс П. Праздник жизни и искусства // Мастера архитектуры об архитектуре. М., 1972. С. 10.
7. Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Статьи по семиотике и типологии культуры. Т. 1. Таллин, 1992. С. 201.
8. Тойнби А.Дж. Постижение истории. М. : Прогресс, 1991.
9. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб. : Симпозиум, 2004. 544 с. С. 54.

© Назарова М.П., 2009

*Поступила в редакцию
в октябре 2009 г.*

УДК 316.334.52:352.07

А.Н. Буров, А.Б. Корняков

**СОЦИАЛЬНЫЙ ФОН
ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ
ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА
(по результатам социологических
исследований)**

На основе сравнительного анализа результатов социологических исследований 2004–2006 и 2008–2009 гг. выявлены противоречия в формировании общественных настроений докризисного и кризисного периодов. Определены тенденции формирования социального фона оценки эффективности деятельности органов власти в условиях экономического кризиса.

Ключевые слова:
социальная эффективность, доверие,
социальное самочувствие, социологи-
ческий опрос.

A.N. Burov, A.B. Komakov

**THE SOCIAL BACKGROUND
OF GOVERNMENT BODIES
EFFICIENCY EVALUATION UNDER
CONDITIONS OF ECONOMIC CRISIS
(sociological research)**

The comparative analysis of sociological research in 2004–2006 and 2008–2009 has made it possible to find a contradiction of public mood formation in the pre-crisis and crisis periods. The tendencies of formation of the social background of government bodies efficiency evaluation under conditions of economic crisis are defined.

Key words:
social efficiency, credit, social self-
reflectiveness, public opinion poll.

Об авторах:

Буров Алексей Никитович —
заслуженный деятель науки РФ, д-р ист.
наук, проф., директор Волгоградского
филиала Российского государственного
торгово-экономического университета
rektor@vrsteu.ru, (844-2) 33-17-54

Корняков Арслан Батаевич —
канд. социол. наук, ст. преподаватель
Калмыцкого государственного
университета, (84722)-4-00-09

Повышение качества управления на всех уровнях осуществления властных полномочий является одной из ключевых проблем, связанных с перспективой преодоления Россией последствий сегодняшнего экономического и социального кризиса. Пороки отечественного государственного механизма, в первую очередь отсутствие доверия между властью и населением, негативные общественные настроения в отношении деятельности органов власти различного уровня, способны создать крайне неблагоприятный фон для эффективной реализации антикризисных мер.

Анализ эффективности деятельности органов государственной власти представляет собой сложную междисциплинарную методологическую проблему, основанную на целом комплексе теорий, таких как теория организации, теория управления, политология, политическая социология, социология управления, культура и этика управления. В результате понятие эффективности рассматривается в различных социально-управленческих плоскостях, что порой создает серьезные проблемы при анализе данного феномена. Более того, становясь объектом изучения отдельных научных дисциплин, эффективность деятельности органов власти оценивается в рамках различных научных парадигм, связывающих ее с теми или иными критериями, показателями и процедурами оценки.

В контексте государственного и муниципального управления исходным пунктом методологии анализа эффективности выступает признание открытости властных институтов, их активного взаимодействия с внешней средой. С этой точки зрения, институты административного управления, органы государственной власти, органы местного самоуправления могут рассматриваться в качестве социальных институтов, деятельность которых ориентирована на создание условий для максимально полного удовлетворения общественных потребностей, эффективного удовлетворения запросов граждан в обеспечении их защищенности и роста их материального благосостояния [1, с. 12].

Актуализация анализа социальных взаимодействий в ходе социального управления ведет к пониманию необходимости расширения предметного поля исследования проблем эффективности

и включения в него оценки социальных эффектов управленческих решений на государственном и местном уровнях. Подобный подход рассматривается как альтернатива механистической интерпретации понятия эффективности и присущим ей количественным методам оценки. Наряду с получившими широкое распространение критериями эффективности деятельности органов власти, позволяющими количественно измерить эффективность в сфере управленческого труда, важное значение приобретают и критерии качественной стороны результата этой деятельности, прежде всего вызываемого ею социального эффекта.

Появление в проблемном поле анализа эффективности деятельности властных институтов понятия «социальная эффективность» позволяет сфокусировать наше внимание на двух аспектах функционирования системы государственной власти и органов местного самоуправления. С одной стороны, взаимодействие властных структур с внешней средой предполагает наличие совокупности требований, предъявляемых обществом и государством к властным институтам, должностным лицам и гражданам, принципиальную возможность оценки объема и качества выполнения ими своих обязанностей и их соответствия социальным интересам. В данном контексте социальная эффективность оказывается тесно связанной с вопросами профессиональной ответственности субъектов управления.

С другой стороны, появление понятия «социальная эффективность» ставит вопрос об определении степени социального эффекта. Существующие в настоящее время различные модели и технологии его оценки (системно-ресурсные, целевые, комплексные модели, модели удовлетворенности участника) характеризуются вариативностью представлений о том, что же должно рассматриваться в качестве критериев социального эффекта. Применительно к нашему исследованию наиболее важным представляется утверждение о том, что для определения степени социального эффекта необходимы общественные процедуры, которые были бы устойчивыми, обязательно существующими и влияющими на властные институты [2, с. 131]. В качестве одного из наиболее значимых элементов таких процедур предлагается использовать социальное доверие населения органам власти, одновременно являющееся и особым источником власти, и показателем ее эффективности.

В психологической и социально-психологической науках доверие рассматривается, прежде всего, как исходное условие социально-психологических отношений между людьми, фундамент взаимоотношений людей. Так как доверие — феномен не только индивидуального, но и социального бытия [3], нас, в первую очередь, будет интересовать феномен социального доверия к власти. Социальное доверие населения к власти представляет собой явление массового сознания и поведения определенной категории людей, предполагающее наделение органов власти ценностно-значимыми качествами и уверенность в ее способности обеспечить качественное решение актуальных задач в интересах удовлетворения социальных потребностей и интересов, прав и гарантий социальной защиты населения. Социальное доверие необходимо рассматривать как обратную реакцию населения на качество работы органов власти, своего рода общественную процедуру, демонстрирующую их эффективность.

Этот аспект социального доверия сближает социологические, психологические и политологические подходы в анализе доверия. Социологически

доверие населения органам власти выступает важным индикатором состояния общественного мнения, базирующимся, с одной стороны, на оценках объективных результатов деятельности соответствующей властной структуры по выполнению функций, значимых для общества. В то же время, как отмечает Ю.А. Левада, «в показателях доверия реальные оценки реальных действий определенных политических фигур и должностных лиц присутствуют в минимальной мере» [4, с. 7]. Человек не может жить, действовать, относиться к другим только на основе индивидуального опыта и рационального расчета. Он неизбежно принимает «на веру», основываясь на традиции, чужом опыте, общем мнении, «подлинность», надежность социальных норм и институтов, целей, идей властных структур, деятельности их руководителей и т.д. Поэтому, с другой стороны, оценки существующей власти, ее институтов и конкретных представителей носят социально-психологический характер субъективных, личностно-значимых аспектов отношений к ним людей.

Своеобразие процессов, происходящих сегодня на территории России, состоит в том, что, в отличие от периода стабильности, усиливается степень вовлеченности государства в кризисную ситуацию в качестве источника и гаранта благ различных категорий населения. Так, в апреле 2004 г. лишь 22 % волгоградцев ориентировались при решении социальных проблем на социальную защиту и поддержку государства, 72 % опрошенных предпочитали искать самостоятельные пути решения социальных проблем, опираясь на собственные силы и возможности [5, с. 151—152].

На фоне кризиса поведенческие стратегии резко меняются. Результаты социологического опроса, проведенного в рамках исследовательского проекта «Межрегиональный индекс кризисного сознания», реализованного Ассоциацией региональных исследовательских центров «Группа 7/89» в ноябре 2008 г., свидетельствуют о том, что почти каждый второй россиянин стремится связать свое личное материальное положение с внешними, не зависящими от него факторами: общей ситуацией в стране, мире, случайным стечением обстоятельств, удачей, начальством, чиновниками и пр. [6, с. 33]. Среди жителей Волгоградской области значительно число респондентов, считающих, что в условиях экономического кризиса население должно полностью полагаться на действия президента и правительства: среди опрошенных ЦСМИ «Аналитик» жителей области с подобным утверждением согласились 38 %. Противоположной точки зрения придерживается лишь каждый пятый волгоградец: вариант ответа «Жителям страны надо самим влиять на принимаемые руководством решения» выбрал 21 % респондентов [7, с. 20].

С учетом данных тенденций одной из основных осевых линий разворачивания кризисных социальных и экономических процессов на макроуровне может стать кризис в отношениях между обществом и органами, осуществляющими властные полномочия. Чем же характеризуется отношение населения к деятельности органов власти в условиях экономического кризиса? Для ответа на этот вопрос обратимся к сравнительному анализу результатов социологических исследований, проведенных в Волгоградской области в стабильные в социальном и экономическом плане 2004—2006 гг. и в кризисные 2008—2009 гг.

В массовом восприятии оценки событий, явлений, участников социальных и экономических процессов, решений, принимаемых на местном и ре-

гиональном уровнях, зачастую специфичны. Данная специфика возникает, прежде всего, за счет того, что региональный и местный событийный ряд (как и действующие региональные и местные политики) часто воспринимаются сквозь призму оценок общероссийского масштаба. Оценки деятельности региональных общественных деятелей, руководителей органов власти и самих властных структур становятся следствием представлений респондентов о том, какую роль они играют в общероссийском масштабе, насколько значительными являются с точки зрения весомости решения, принимаемые на территории региона или муниципального образования. Таким образом, оценка деятельности органов власти и управления определяется восприятием позиции региона в системе других субъектов федерации и страны в целом. Поэтому анализ оценок жителями региона властных структур требует предварительной оценки того, как население Волгоградской области рассматривает ситуацию в своем регионе на общероссийском фоне.

Результаты социологических опросов, проведенных в 2004—2006 гг., показывали, что каждый второй житель считал ситуацию в Волгоградской области такой же, как ситуация в стране в целом; практически каждый четвертый полагал, что ситуация в регионе в той или иной степени лучше, чем в стране в целом. В то же время, на протяжении 2001—2004 гг. данное распределение носило стабильно отрицательный характер: баланс положительных и отрицательных сравнительных оценок оставался устойчивым в соотношении 2:3, что создавало неблагоприятный социальный фон восприятия населением результатов деятельности региональных и местных органов власти [5, с. 161—162]. Таким образом, оценка региональной ситуации на общероссийском фоне в период 2004—2006 гг. характеризовалась тенденцией в сторону выравнивания и даже превосходства доли положительных сравнительных оценок над отрицательными.

В условиях кризиса ситуация существенно изменилась: лишь 10 % волгоградцев считают, что условия жизни в нашей области лучше, чем в других регионах России. Противоположного мнения придерживается 41 % респондентов, принявших участие в опросе ЦСМИ «Аналитик», проведенном в апреле — мае 2009 г. [8, с. 11]. По сравнению с докризисными временами доля положительных сравнительных оценок сократилась более чем вдвое, а соотношение положительных и отрицательных оценок составило 1:4, что является абсолютным минимумом с 2001 г.

Подобные тенденции не могли не отразиться на социальных ожиданиях волгоградцев. На протяжении 2004—2006 гг. доля позитивных ожиданий последовательно росла при снижении отрицательных оценок возможного развития социальной ситуации в ближайшей перспективе: их соотношение весной 2006 г. составляло 24 к 14 % (например, в марте 2003 г. это соотношение составляло 19 к 22). В то же время подавляющее большинство жителей области не ждало значительного изменения социальной ситуации: 52 % жителей региона в ходе опроса выражали уверенность в том, что в ближайшее время социальная ситуация в Волгоградской области не изменится (в марте 2003 г. доля сторонников подобной точки зрения составляла 43 %) [5, с. 162].

На фоне разворачивающегося экономического кризиса происходит резкое изменение оценок населения. Если в апреле — мае 2008 г. доля волго-

граждан, считающих, что их материальное положение ухудшится за ближайший год, составляла лишь 8 %, то через год количество подобных оценок возросло более чем втрое и составило 27 % [8, с. 10]. Таким образом, кризисные явления в экономике сопровождаются обвалом показателей социального самочувствия, создающим фон, на котором формируется оценка населением эффективности деятельности органов власти в условиях экономического кризиса.

Период 2004—2006 гг. характеризовался изменением в сторону умеренного оптимизма оценок волгоградцами места и роли властных институтов в решении социальных проблем. К весне 2006 г. каждый второй житель региона (54 %) отмечал, что администрация Волгоградской области в целом справляется с решением социальных проблем, беспокоящих жителей. Аналогичные оценки давали волгоградцы и администрациям муниципальных образований. В целом положительная оценка деятельности исполнительных органов государственной и муниципальной власти за период с осени 2004 до весны 2006 г. выросла на 10...12 % [5, с. 163].

Второстепенную роль в решении социальных проблем, по мнению населения, играли представительные органы региона, уступающие по степени влияния на социальную ситуацию не только региональным органам исполнительной власти, но и исполнительным органам местного самоуправления.

Если осенью 2004 г. каждый второй респондент был согласен с мнением о том, что деятельность думы скорее не способствует решению проблем, волнующих жителей области, то весной 2006 г. 31 % опрошенных оценил роль думы в решении социальных проблем области как небольшую, еще 18 % отметили, что дума не играет практически никакой роли в решении этих проблем. Мало изменилась и доля позитивных оценок. В 2004 г. положительно деятельность областной думы в решении социальных проблем оценивали 29 % респондентов, в марте 2006 года 6% респондентов оценивало эту роль как очень большую, еще 25 % — как довольно большую. Очевидно, что в массовом сознании дума значительно уступала исполнительной власти (не только федерального и регионального уровней, но и муниципальной власти) по степени эффективности в решении социальных проблем [5, с. 166—167].

Тем не менее отмеченные изменения в оценках не могли не отразиться на таком показателе отношения к властным институтам, как доверие органам власти. В 2004—2006 гг. отмечалась положительная динамика доверия к региональным и местным властным структурам, прежде всего структурам исполнительной власти. Причем в характеристиках исполнительных структур (администрации области и администраций муниципальных образований) доля положительных оценок превосходила долю негативно настроенных респондентов.

Кризисные явления 2008—2009 гг. внесли свои коррективы в оценку населением эффективности деятельности органов власти. Непокколебимыми остались рейтинговые позиции Президента РФ Д.А. Медведева и Председателя Правительства РФ В.В. Путина: по данным Фонда «Общественное мнение», президенту доверяет сегодня 54 % россиян, премьеру — 71; 62 и 76 % соответственно считают, что они хорошо справляются с проблемами, стоящими сегодня перед страной [9]. Стабильности высоких

рейтинговых показателей первых лиц государства не мешает даже то, что 45 % жителей страны возлагают ответственность за сегодняшние последствия кризиса в российской экономике на непродуманную политику руководства России [7, с. 19].

В оценках деятельности региональных и муниципальных властей картина иная. Результаты опроса, проведенного в марте 2009 г. ЦСМИ «Аналитик», свидетельствуют о том, что лишь каждый пятый волгоградец (19 %) уверен в том, что руководство региона активно противодействует кризисным явлениям. При этом растет количество тех, кто считает, что деятельность руководства региона не способствует преодолению кризиса: по сравнению с январем 2009 г. доля волгоградцев, согласных с этим утверждением, выросла с 26 до 41 % [7, с. 18]. В целом картина умеренного оптимизма 2004—2006 гг. сменилась ростом негативных оценок деятельности региональных и муниципальных властей: соотношение положительных («работает очень хорошо или хорошо») и отрицательных («работает плохо или очень плохо») оценок работы администрации Волгограда составляет 13 и 22 % соответственно, работы администрации Волгоградской области — 12 и 22 % [10, с. 12]. В то же время сохранилась тенденция негативной оценки деятельности представительных органов власти: лишь 10 % волгоградцев положительно оценили работу Волгоградской городской Думы (отрицательные оценки дал каждый четвертый опрошенный), 13 % респондентов отметило, что Волгоградская областная дума «работает очень хорошо или хорошо» (противоположной точки зрения придерживаются 19 % респондентов) [11, с. 16].

Таким образом, характеристики социального фона оценки эффективности деятельности органов власти в условиях экономического кризиса определяются рядом тенденций, противоречащих основным направлениям формирования общественных настроений докризисного периода. К числу этих тенденций необходимо отнести:

1) изменение поведенческих стратегий значительной части населения, проявляющееся в росте патерналистских ожиданий в части усиления помощи со стороны государства в решении социальных и экономических проблем граждан;

2) резкое ухудшение социального самочувствия, усиление ожиданий негативного развития социальной и экономической ситуации в ближайшей перспективе, рост неблагоприятного соотношения сравнительных положительных и отрицательных оценок положения региона в системе других субъектов федерации и страны в целом;

3) снижение уровня доверия к деятельности органов региональной и муниципальной власти, их руководителей, неверие в их способность активно противодействовать проявлению кризисных явлений на региональном и местном уровнях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Иноземцев В. Власть как бизнес // Политический класс. 2005. № 12.
2. Рейна Х. Дж. Анализ и управление в государственных организациях. М., 2003.
3. Данкин Д.М. Доверие: политологический аспект. М., 1999.
4. Левада Ю. Механизмы и функции общественного доверия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 3.
5. Буров А.Н., Дильман Д.А. Смоленский П.В. Власть и общество: успешность деятельности властных структур в глазах жителей региона. Волгоград, 2006.

6. Межрегиональный индекс кризисного сознания : аналитический отчет о результатах социологического исследования. М., 2009.
7. Мойсов В.В. Сравнительный анализ закономерностей восприятия кризисных явлений // Вестник Волгограда : бюллетень социологических сообщений. 2009. № 2.
8. Дулина Н.В. Социальное самочувствие и потребительские настроения жителей Волгограда // Вестник Волгограда : бюллетень социологических сообщений. 2009. № 3.
9. Политические индикаторы (опрос 8—9 августа. 100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 2000 респондентов) [Электронный ресурс] // Доминанты. 2009. № 32. <http://bd.fom.ru/pdf/d32ind.pdf> (дата обращения 13.08.09).
10. Дулина Н.В. Оценка деятельности органов власти // Вестник Волгограда : бюллетень социологических сообщений. 2009. № 2.
11. Панкова Т.С. Оценка деятельности органов власти // Вестник Волгограда : бюллетень социологических сообщений. 2009. № 3.

© Буров А.Н., Корняков А.Б., 2009

*Поступила в редакцию
в августе 2009 г.*

**УСЛОВИЯ
ПРИЕМА СТАТЕЙ В РЕДАКЦИЮ
И ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРСКИМ
ОРИГИНАЛАМ**

Научно-теоретический журнал «Социология города» (далее — Журнал) издается для ознакомления научной общественности с результатами научных исследований в области социологии, философии, культурологии и других гуманитарных наук ученых ВолгГАСУ и других научных организаций и вузов.

Учредителем Журнала является Ученый совет университета.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-27329 от 28 февраля 2007 г. Выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Журнал зарегистрирован Международным центром ISSN, ISSN 1994-3520.

Журнал выходит четырьмя выпусками в год (ежеквартально).

Требования к оформлению статей. Статью необходимо представить на электронном носителе и в распечатанном виде (2 экз.) в сопровождении выписки из протокола заседания кафедры и одной рецензии. К статьям прилагается экспертное заключение о возможности опубликования в открытой печати.

В статье приводятся: индекс УДК; на русском и английском языках: фамилия и инициалы автора, заглавие, аннотация (до 500 знаков), ключевые слова.

На отдельном листе помещаются сведения об авторах (фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, звание, должность, место работы; наименование и код научной специальности (по Номенклатуре), по которой автор проводит диссертационное исследование; почтовый адрес, телефон и адрес электронной почты для связи с редакцией); текст статьи и сведения об авторах заверяются личной подписью автора (авторов) статьи.

Объем статьи — от 3 до 7 с. установленного формата журнала (см. ниже), включая название, аннотации, ключевые слова, текст, таблицы, рисунки, библиографический список. Последняя страница считается полной независимо от фактического заполнения.

Оригинал статьи должен быть набран с помощью пакета программ *Microsoft Office (Word 2003)*; шрифт основного текста — Times New Roman (Сур) № 11 (11 пунктов). Параметры страницы — поля, см: верхнее — 3,7; нижнее — 4,5; левое — 2,0; правое — 6,0; переплет — 0, поля зеркальные. Расстояние от края до верхнего колонтитула, см — 3,0, от края до нижнего колонтитула — 3,7. Абзацный отступ равен 0,75 см. Межстрочный интервал одинарный. Автоматически устанавливаются переносы (не более 4 подряд в одном абзаце). Автоматически устанавливается запрет висячих строк.

Для набора формул используется редактор формул *Microsoft MathType 5*; по умолчанию устанавливаются размеры шрифта для одно- и двухстрочных формул: обычного — 11 пт, крупного и мелкого индекса — соответственно 8 и 6 пт, крупного и мелкого символа — соответственно 16 и 11 пт. Греческие и русские буквы набираются прямым шрифтом, латинские — курсивом. Если написание в формулах отличается от традиционного, автор должен сделать соответствующие пометки на полях распечатанной статьи,

при этом греческие буквы обводятся красным карандашом, готические — синим. Формулы выключаются в левый край с абзацным отступом. Запись формулы выполняется автором с использованием всех возможных способов упрощения и не должна содержать промежуточные преобразования.

Векторные рисунки, сохраненные в формате WMF, *растровые* — в TIF или BMP, *графики и диаграммы*, построенные в *Microsoft Excel*, дополнительно помещаются на электронный носитель отдельными файлами. Имя файла должно соответствовать наименованию или номеру рисунка в тексте статьи. Кроме того, *иллюстрации* обязательно присылаются распечатанными на отдельных листах формата А4 в масштабе 1:1, в пригодном для сканирования виде. Размер шрифта текста в рисунках — 9-10 пт. *Подписи к рисункам* выполняются непосредственно в тексте статьи шрифтом Times № 10 (10 пт), экспликация в подрисуночной подписи — Times № 9 (9 пт). Для сжатия больших файлов использовать архиваторы *Arj* и *WinZip*, *WinRAR*.

Цветные и черно-белые фотографии присылать в оригинальном виде с подписями на обороте. Цифровые фотографии выполнять с разрешением не менее 300...600 dpi, присылать в электронном виде в любом графическом формате, кроме .jpg.

Текст *таблиц* набирается шрифтом Times New Roman (Сур) № 10 (10 пунктов).

В *библиографическом списке* приводится только цитируемая в статье литература. Источники группируются в списке в порядке упоминания в тексте. Ссылки на источники приводятся в тексте в квадратных скобках. В библиографическую запись включаются только основные элементы библиографического описания (ГОСТ 7.1—2003). Разделительные знаки «тире» между областями опускаются. Шрифт Times New Roman (Сур) № 9 (9 пунктов).

Авторы статей несут всю полноту ответственности за содержание статей и за сам факт их публикации. Редакция журнала не несет никакой ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, нанесенный публикацией статьи. Редакция исходит из того, что, в соответствии с законодательством в части авторского права, автор, направляя статью в редакцию, полностью соглашается с условиями редакции и, следовательно, только сам лично несет ответственность за использование в тексте статьи материалов третьих лиц и соблюдение их авторских прав. Все права автора и вся полнота его ответственности сохраняются и после публикации статьи в журнале.

Порядок рецензирования. Статьи обсуждаются редколлегией, рецензии, поступившие в сопроводительных материалах, учитываются. В спорных случаях статьи могут быть направлены редакцией на дополнительную внутреннюю или внешнюю экспертизу (рецензирование) и опубликованы только при положительном заключении. Копия заключения предоставляется автору.

Статьи, не отвечающие изложенным требованиям, редколлегией не принимаются. Материалы, не принятые к опубликованию, авторам не высылаются.

Редакция имеет право производить сокращения и редакционные изменения текста. Корректур статей авторам не предоставляется. Согласование редакционных и авторских изменений текста статьи (переписка, тел. переговоры) производится за счет автора.

Гонорар за опубликование статьи не выплачивается, плата за публикацию статей с автором не взимается.

КОМПЛЕКТОВАНИЕ ОЧЕРЕДНОГО НОМЕРА ЗАВЕРШАЕТСЯ ЗА 3 МЕСЯЦА ДО ПЛАНИРУЕМОГО ВЫХОДА В СВЕТ.

Примерный график выпуска журнала:

- март (прием статей до 1 декабря);
- июнь (прием статей до 1 марта);
- сентябрь (прием статей до 1 июня);
- декабрь (прием статей до 1 сентября).

Тематические рубрики: в Журнале публикуются научные статьи и другие материалы по вопросам социологии, философии, экономики, политологии и других гуманитарных наук в соответствии с основными тематическими рубриками: «Человек в современном городе», «Город как экономическая система», «Город и власть», «Архитектурное пространство индустриального города», «Техносфера современного города: город и экология».

Направлять статьи и обращаться по вопросам об условиях их публикации и приобретения очередного номера журнала по адресу: 400074, Волгоград, ул. Академическая, 1, ком. В-508. Гл. ред. журнала «Социология города» Навроцкому Б.А. (тел. (8-442)-96-99-25).

По вопросам подготовки авторского оригинала статьи к печати обращаться по адресу: 400074, Волгоград, ул. Академическая, 1, ком. В-210, редакционно-издательский отдел ВолгГАСУ. Тел. (8-442)-96-98-28. E-mail: gorachevae@mail.ru.

Научное издание

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

2009. № 2

Научно-теоретический журнал

Редактор *О.Е. Горячева*

Корректор *А.А. Дьякова*

Компьютерная правка и верстка *О.Е. Горячева, О.В. Горячева*

Компьютерный дизайн обложки *Т.М. Потокينا-Курилкина, О.Ю. Мелешин*

Подписано в печать 16.11.09.

Формат 70 × 108/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Уч.-изд. л. 5,1. Усл. печ. л. 6,5. Тираж 500 экз. Заказ №

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет»

Редакционно-издательский отдел

Отпечатано в секторе оперативной полиграфии ЦИТ ВолГАСУ
400074, Волгоград, ул. Академическая, 1